Master Negative Storage Number

OCI00052.16

Kuz'ma Roshchin, volzhskii razboinik

Moskva

1890

Reel: 52 Title: 16

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00052.16

Control Number: BGO-0939
OCLC Number : 25122093
Call Number : W 381.5917N K969
Title : Kuz'ma Roshchin, volzhskii razboinik : poviest' iz 17-go vieka, osnovannaia na drevnem predan'i : v dvukh chastiakh.
Imprint : Moskva : N.A. Erofieev, 1890.
Format : 144 p. ; 17 cm.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-31-94
Camera Operator: CG

1925

W377.5917k R969

КУЗЬМА РОЩИНЪ,

ВОЛЖСКІЙ РАЗБОЙНИКЪ

повѣсть изъ 17-го вѣка, основанная на древнемъ преданіи.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца Н. А. Ерофѣева.
1890.

Дозволено Цензурою. Москва, 22 Сентября 1

Типографія Вильде, Верхний Ямской, собственны

Вступленіе.

Волга, ты Волга, многоводная,
Рѣка русская, да широкая.
На твоихъ-то ли струяхъ, рѣченька,
Понаплавалось народу много разнаго.
Плавалъ тутъ и торговый, православный людъ,
Ѣздилъ съ шалями да съ коврами,
Что съ коврами со персидскими,
Изъ за моря синяго, Каспійскаго,
Армянинъ купецъ и татаринъ князь.
На своихъ струяхъ носила, рѣченька,
И добрыхъ молодцевъ, удальцовъ разбойничковъ.
И пойдетъ теперь моя вольная рѣчь
Про удалаго Кузьму Рощина,
Атамана, что приволжскаго.
Отъ чего то онъ пошелъ въ разбойнички
И какъ сталъ онъ-то кропить веслами
Волгу-матушку привольную.
Разсѣкали волны бурныя
Его слуги плоскодонные,
И сгубилъ не мало онъ
Люду разнаго несчастнаго,
Понабралъ онъ злата, сребра,
Обагрилъ свои толь рученьки
Кровью братской, христіанскою,
А потомъ-то, какъ спокаялся,
И пошелъ по свѣту онъ
Молить Бога правосуднаго,
Чтобъ простилъ ему Онъ прегрѣшенія,
Грѣхи тяжкіе да вольные.

ГЛАВА I.

Преступники.

Кипитъ теперь дѣятельная жизнь на приволжскихъ берегахъ, привольно раскидываются на нихъ многолюдные города, села и деревни; мчатся по широкой рѣкѣ пароходы, тяжелыя барки и расшивы, нагруженныя хлѣбомъ и разнымъ товаромъ. Но не то представляли эти мѣста за двѣсти съ половиной лѣтъ. Кое гдѣ тутъ высились на берегахъ каменныя стѣны городскихъ крѣпостей, за ними тянулись темныя дубравы, а далѣе шли безконечныя степи-пустыни, гдѣ по дѣвственной почвѣ не проходила нога ни звѣря, ни вольнаго человѣка. И опасенъ былъ путь по Волгѣ въ тѣ далекіе вѣка, не обходилось тутъ ни одного текучаго года безъ разбоя и грабежа.

Стоялъ октябрь 1592 года. День былъ пасмурный и холодный. Сильный сѣверный вѣтеръ потрясалъ вершины лѣсовъ, окружавшихъ Казань.

Столѣтніе дубы страшнымъ трескомъ сопровождали его. Вороны и галки, какъ будто носимыя вѣтромъ, вились подлѣ самаго окна уединеннаго терема, въ которомъ прекрасная Мареа, жена именитаго казанскаго купца Ѳадея Тереньтева, вышивала краснымъ тарусомъ подолъ женскаго сарафана.

Мареа была не одна. Возлѣ нея на тесовой скамьѣ сидѣлъ молодой парень. Онъ былъ, что называется, кровь съ молокомъ. Русые его волосы были коротко подстрижены, бѣлое лицо опушалось шелковистой бородой. Въ голубыхъ глазахъ свѣтилась та русская удаль и ухарство, которая исключительно свойственна русскому человѣку и хорошо извѣстна каждому. Средняго роста, съ широкой грудью и плечами, онъ сосредоточивалъ въ себѣ богатырское тѣлосложеніе. На парнѣ была красная рубаха, ноги были обуты въ кожанные сапоги съ высокимъ подборомъ, въ который низко опускались желтыя ижковыя шаровары. Молодой человѣкъ прозывался Кусьмой, по прозванью Рощинъ и былъ родной племянникъ Ѳадея Тереньтьева.

Онъ съ страстной любовью смотрѣлъ на прекрасную женщину, да и дѣйствительно хороша была Мареа. Онъ подъ повойникомъ, шитымъ бисеромъ, слегка выбивались черные волосы и еще болѣе оттѣняли мраморную бѣлизну лба. Черныя брови дугой окружали глаза и слегка сходились между собой, что придавало особенную прелесть выраженію ея лица, на щекахъ котораго игралъ

и переливался легкій, свѣжій румянецъ. Алыя уста такъ и просили поцѣлуя: а бѣлыя, пухлыя ручки привели бы въ страшную дрожь всякаго добраго молодца, если бы въ то время можно было бы взглянуть на нихъ ему. Но тогда этого не допускалось и считалось за великій стыдъ и грѣхъ показываться женщинѣ передъ посторонимъ человѣкомъ и красавицей могъ вдосталь любоваться только мужъ, грозный ея властелинъ, да еще самый близкій изъ родни. Не зналъ Ѳадей, что было въ мысляхъ удалаго парня, а то и ему не позволилъ бы близко подходить къ родимой женѣ своей.

Въ свѣтлицѣ нѣсколько времени продолжалось молчаніе. Мароа пристально работала, не подымая глазъ; но горѣли ея черныя очи, сильнѣе переливался ея румянецъ и сильно колотилось бѣдное сердце въ бѣлой груди; ибо она чувствовала, что смотритъ на нее племянникъ, горьмя горитъ его глазъ и ихъ то огонь заставлялъ волноваться красавицу. Наконецъ, не въ силахъ будучи скрывать своего смущенія, она встала и хотѣла выйдти изъ горницы, какъ Кузьма ее за руку схватилъ и быстро заговорилъ.

— Мароа Васильевна, не уходи Христа ради:

Да что съ тобой, Кузя, помилуй тя Господи.

И еще ниже опустились ея очи, совсѣмъ зардѣлось ея бѣло-мраморное личико.

— Мароа Васильевна, не ужъ то тебѣ по сердцу старый Ѳаддей?

— Кузя, ахъ, Кузя, что ты говоришь, вѣдь онъ твой дядя.

— Не дядя, а злой врагъ мой. За что онъ загубилъ твою божью красоту? Зачѣмъ онъ, лысый бѣсъ, отбилъ тебя отъ меня? О, Господи, коли-бъ да былъ я богатъ, такъ не владѣть бы было ему тобой....

— Кузя, перестань такъ говорить, мнѣ зазорно слушать тебя.

— Почему?

— Потому, что онъ мой мужъ, данный Господомъ да отцомъ съ матушкой.

Проговоря это, Мареа хотѣла уйти, но Рощинъ, внѣ себя, вскочилъ на ноги и обхвативъ ее за станъ прижалъ къ своей могучей груди. Она забилась въ его рукахъ, словно голубка въ когтяхъ коршуна.

— Пусти меня, не грѣши, что ты дѣлаешь? Опомнись! шептала она, стараясь вырваться изъ рукъ его; но онъ покрывалъ страстными поцѣлуями ея лицо и грудь.

— Не рвись, не пущу! нѣтъ силъ болѣе терпѣть муку... Мареа, Мареушенька, голубка моя ясная, вспомни былое, какъ тайкомъ сходились мы съ тобой, темною порой, не ты ли божилась тогда, что по вѣкъ будешь любить меня.....

Мареа сдѣлала невѣроятное усиліе и вырвалась изъ его рукъ; потомъ въ изнеможеніи опустилась на лавку, прикрылась фатой и въ комнатѣ послышались глухія ея рыданія.

Кузьма Рощинъ бросился ей въ ноги и прерывающимся голосомъ заговорилъ:

— Прости, не плачь, моя ласточка! Не стерпѣлъ и слово тяжелое противъ волюшки вырвалось изъ устъ... Свѣтикъ мой, утри свои ясные глазыньки, не мути слезьми очи свѣтлыя.

И отбросила Мареа фату отъ лица своего, слезы въ три ручья текли по ея щекамъ, и она заговорила голосомъ, прерываемымъ плачемъ тяжкимъ:

— Кузя, другъ ты милый мой, позабудь; что было, то прошло, какъ сладкій сонъ. Не обидѣлъ ты меня ничѣмъ, а я плачу отъ того, что видно не написано было, не указано на роду быть намъ счастливыми. Не моя была воля выходить за твоего дядю, а на то приказъ былъ родительскій; вѣдь ты вѣдаешь и самъ, чуть не связанной выдавали меня за немилаго, мужа постылаго... Охъ, Кузя, видно такая моя доля горькая. Но вотъ тебѣ моя послѣдняя рѣчь: ты оставь, не губи меня, не дай грѣху смертному пасть на душеньку мою бѣдную: не хочу грѣшить противъ воли Божіей, нарушать законъ указанный.

И горе, и тоска, и страсть слышались въ этой мольбѣ бѣдной женщины. Рощинъ уже стоялъ на ногахъ передъ ней, съ унылымъ видомъ, съ тяжкой болью въ груди. Потомъ вскинулъ своими огненными глазами и мрачно сказалъ:

— И такъ все кончено?

— Да.

— Такъ оставайся же счастливой, я ужъ больше не увижу тебя.

Онъ повернулся и медленно пошелъ къ двери; въ лицѣ его горѣла какая то дикая, отчаянная рѣшимость Видно было, что этотъ человѣкъ рѣшился на что то страшное. Сердце дрогнуло у Мареы; она порывисто вскочила и крикнула:

— Кузя!

Онъ повернулся.

— Что ты хочешь дѣлать?

— Коли нѣтъ мнѣ счастья на землѣ, то сложу я голову, порѣшу съ собой смертью горькою.

— О, соколъ мой ясный, не губи своей души чистой. Я прошу тебя!..

И Мареа бросилась на шею Рощина, прильнувъ губами къ его устамъ...

— Караулъ!.. что вы дѣаете проклятые!

Внезапно раздался позади ихъ яростный голосъ. Они обернулись. На порогѣ свѣтлицы стоялъ старый Ѳаддей, трясущійся всѣмъ тѣломъ отъ бѣшенства и гнѣва. Его глаза, казалось, хотѣли выскочить изъ своихъ орбитъ, на губахъ клубилась пѣна, въ рукахъ онъ держалъ тяжелый кнутъ, которымъ грозилъ въ воздухѣ.

ГЛАВА II.

Старые люди.

Объяснимъ же теперь положеніе и отношенія дѣйствующихъ лицъ.

Ѳадей былъ женатъ уже въ третій разъ. Ему было лѣтъ за шестьдесятъ. И вотъ какъ случилось, что Мареа стала его женой. Сосѣдомъ какъ по дому, такъ и по торговлѣ былъ Мареинъ отецъ. Старики находились въ большой дружбѣ между собой: вмѣстѣ пили, и пьяные, по обычаю, таскались за сѣдые бороды другъ съ другомъ.

Разъ Ѳадей былъ въ гостяхъ у Василья, закусили, подвыпили, первый и говоритъ второму:

— А что, сватъ, давай породнимся.

— У тебя, сказалъ опять Ѳадей, есть товаръ, а у меня купецъ.

— Ужъ не племянникъ ли Кузьма?

— Онъ самый и есть. Хочу скрутить парня, ато заболтается, забражничаетъ.

— Люба мнѣ твоя, рѣчь, сватъ Ѳадей, отдаю мою Мареушку за твоего Кузьму.

И ударили старики по рукамъ, налили по ковшу хмѣльной браги, выпили, крякнули, утерлись, поцѣловались. Ѳадей и крикнулъ:

— А покажъ мнѣ свою дочьку?

— Изволь, друже, для тебя это сдѣлаю. Эй Матрена, крикнулъ во всю грудь Василій и изъ другой свѣтлицы показалась его хозяйка.

Это была старая, полузабытая старушка. Вышла она къ мужу, поклонилась въ поясъ гостью и ему, поднерла подбородокъ рукой и тихо, слезливо проговорила:

— Чего изволишь, государь мой, Василій Демьянычъ?

— Изволю я, чтобъ ты вывела сюда мою дочку.

— Раба я твоя покорная, что повелишь, то и выполню.

Снова поклонилась, вышла и черезъ четверть часа вывела Мареу.

Какъ взглянулъ на нее Ѳедей, такъ и ахнулъ: больно хороша показалась ему дѣвушка. Долго онъ глядѣлъ на нее, заходилъ и съ зади, и съ переди, и потомъ молвилъ:

— Этотъ кусъ и не про Кузькинъ усъ; найдутся для красы и почище его.

Когда увели дочку, старикъ долго находился въ раздумьѣ; потомъ разгладилъ свою бороду, провелъ рукой по лысинѣ, да и вымолвилъ:

— Сватъ, а сватъ!

— Что братъ?

— Какъ ты мѣкаешь, багатъ я али нѣтъ?

— Чай у тя казны-то и не перечтешь.

— Это вѣрно: и товару разнаго много, и свои расшивы съ хлѣбомъ по Волгѣ пускаю.

— Такъ, такъ, вѣдаю!

— А коли вѣдаешь, такъ вотъ что я те молвлю: хочешь, я твою Мареу осчастливлю?

— Отчего и не такъ!

— Ну такъ вотъ тебѣ мой сказъ: перво я сваталъ ее за Кузьму, а теперча, какъ увидалъ я эту кралю, хочу поять за себя.

— Я не прочь; но рукобитье то?

А проволись оно, окромя насъ его никто не видалъ. А ты вотъ что слушай: коли да теперь меня уважишь, такъ я ни чего для тебя не пожалѣю; и долгъ прощу, и денегъ дамъ безъ росту.

— Ну инъ быть такъ! засылай сватовъ по обычаю.

И снова старики ударили по рукамъ, на радостяхъ Ѳадей до того упился, что свалился подъ лавку, а Василій, бывши покрѣпче и помоложе, пошелъ съ пьяна плясать въ присядку да во все горло кричать:

— Ай да, Васька, Васютка! подцѣпилъ себя зятька богача! Васька будетъ въ чести. Крикнетъ зятьку: „Ѳадейка! и онъ ко мнѣ подойдетъ, будетъ низко кланяться, называть дорогой мой тятенька, Василій-ста да Демьянычъ.

И долго кружился Демьянычъ, пока не вы-

бался изъ силъ и не растянулся безъ памяти середь избы.

На другое утро пришли къ нему сваты, запили могарычи и Василій объявилъ женѣ, что просваталъ за Ѳаддея свою дочь.

— Твоя воля, государь мой, отвѣтила смиренно Матрена заморгала глазами и зарыдала.

— О чемъ ревешь баба—дура! грозно крикнулъ мужъ: али не по нраву будущій зять мой?

— Не о томъ я слезы лью, господинъ мой! Василій Демьянычъ, твое дѣтище, что хочешь, то и дѣлаешь; а плачу по обычаю, и меня вѣдь обливала горючими слезами родимая матушка, когда я была просватана за тебя.

Но не то было съ Мареой, когда она услыхала эту вѣсть: ужасъ изобразился тогда во всѣхъ чертахъ ея лица; она хотѣла что то сказать но не смогла, не посмѣла, ноги подкосились у ней, и красавица грохнулась о земь, жалостно восклицая:

— Родимая, ты зачѣмъ породила меня горемычную на бѣлый свѣтъ; лучше мнѣ на во могилу темную пойдти, чѣмъ за Ѳаддея Терентьевича, мужа стараго да грознаго.

Мареа плакала, а въ мысляхъ ея носился образъ красиваго парня, при сравненіи котораго съ старикомъ онъ для нея становился еще краше и милѣе.

Не смотря на то, что въ старину было въ общемъ обычаѣ, чтобъ молодые люди разныхъ половъ не сходились другъ съ другомъ и не ви-

дались до женитьбы, Мареа успѣла уже полюбить добраго молодца, какъ не смотрѣла за ней мать, какъ не оберегала она дочь, чтобъ безъ воли родительской она слюбилась съ чужимъ человѣкомъ. Этотъ молодецъ былъ Кузьма Рощинъ. Въ первый разъ онъ увидалъ красавицу въ церкви, тамъ же приглянулся и онъ ей. Съ тѣхъ поръ Рощинъ сталъ искать случая тайно поговорить съ Мареей. Случай не замедлилъ представиться. Онъ подкупилъ работницу Василья, и она ввела парня въ огородъ, когда Мареа полола гряды съ огурцами да растилала холстинку на солнцѣ.

Увидя чужаго человѣка, Мареа хотѣла было бѣжать, но не могла; ноги не послушались ея воли, да и парень таково то ласково, такъ то нѣжно глядѣлъ на нее, что она осталась какъ бы прикованной къ своему мѣсту, не отняла руки своей отъ него, съ трепетомъ слушала его страстную рѣчь, а потомъ припала къ груди его, а онъ обнималъ ея станъ, ласкалъ и цѣловалъ въ сахарныя уста.

Такъ завязалась между ними тайная любовь. Молодые люди, хотя и рѣдко, но тайкомъ не переставали видаться другъ съ другомъ. Наконецъ Кузьма рѣшился просить дядю замолвить слово свое за него у отца Мареы. Ѳаддей былъ не прочь отъ этого; но перемѣнилъ мысли, когда самъ своими очами увидалъ красавицу.

Придя въ себя, онъ на другой день позвалъ племянника и сказалъ:

— Кузьма, я видѣлъ Марѳу.

— Ну что жъ, дядя, согласенъ Василій?

— Согласенъ-то, согласенъ, да я вотъ что надумалъ. . .

— А что

— Самъ женюсь на Марѳѣ, дѣвка важная да сытая.

Еслибъ кто ударилъ въ это время ножемъ въ грудь Рощина, такъ ему было бы легче, чѣмъ услышать эти слова отъ дяди. Онъ гнѣвно сказалъ:

— Дядя, не грѣши.

— Какой тутъ грѣхъ, я хочу законнымъ бракомъ совокупиться съ ней.

— Не губи ее, не пара Марѳа тебѣ.

И какъ вскипѣлъ Ѳаддей, когда услышалъ это слово, какъ вскинулся онъ на Кузьму, да и крикнулъ:

— Ахъ ты, щенокъ! учить что ли меня вздумалъ, вотъ я те задамъ!

Схватилъ онъ Кузьму за волосы и началъ таскать, приговаривая:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ! Что хочу, то и творю! Не моги ты мнѣ указывать, не бывать Марѳѣ за тобой, а женю тебя на кривой женѣ!

Кузьма покорно вытерпѣлъ таску и только сказалъ:

— Прости меня, дяденька! но уходя подумалъ: погоди же лысый, и я отшучу съ тобой.

И задумалъ Рощинъ разстроить дядину женитьбу. Но какъ? Онъ хорошо зналъ что отецъ

Мареинъ не откажется отъ своего слова, да и Ѳаддей былъ силенъ; вотъ съ совѣта другихъ пошелъ онъ къ знахарю поклонился ему штофомъ вѣнику да двумя алтынами денегъ и сказалъ:

Захарычъ, будь отцомъ роднымъ, помоги.

А этотъ знахарь былъ мельникъ и всѣ про него говорили, что онъ водился съ нечистой силой, что захочетъ, то и сможетъ сдѣлать. Въ тѣ времена русскіе люди большую вѣру имѣли къ этимъ колдунамъ и вѣдьмамъ, уважали, боялись и вѣрили имъ всѣ: отъ самаго знатнаго боярина до послѣдняго смерда—поселянина. И эти колдуны сами про себя думали, что они всемогущи, величались этимъ, смотрѣли на всѣхъ съ высока, мрачно и угрюмо.

Взглянулъ Захарычъ изъ подлобья сперва на подарки, потомъ на Кузьму и молвилъ:

— А въ чемъ тебѣ помочь, молодецъ?

— Да вотъ бѣда случилась, отбиваетъ у меня невѣсту мой старый дядя, отворожи его отъ нея, напусти ему туманъ на сердце, окрути ему голову...

— Стой, годи, молодецъ, многаго просишь; отворожить-то я отворожу, а другое что сдѣлать, такъ опослѣ!

— Ладно, такъ хоть въ первомъ помоги.

Колдунъ всталъ, взялъ ковшъ, зачерпнулъ имъ воды и началъ нашептывать на нее; потомъ взялъ какой-то корешокъ, смочилъ заколдованной водой и подавая Рощину, сказалъ:

— На вотъ корень-отворотъ, положи его подъ

головы дяди, и возненавидитъ тогда онъ твою казнобу.

— Ну, Захарычъ, продолжалъ обрадованный Кузьма, вотъ тебѣ еще алтынъ, скажи буду ли я счастливъ съ Марѳой моей.

Колдунъ согласился. Дѣло это происходило около полночи. Онъ далъ знакъ Рощину слѣдовать за собой, привелъ на мельницу, сошелъ къ водѣ, гдѣ она бѣжала черезъ колеса и началъ пристально всматриваться въ нее. Рощина мало по малу разобралъ страхъ. Въ ушахъ его раздавался шумъ колесъ и воды, она казалась ему какой то черной массой, потомъ начало у него рябить въ глазахъ, кровь подступила къ головѣ, онъ весь дрожалъ. Колдунъ обернулся къ нему и сказалъ.

— Что видишь?

— Черное и красное.

— Ну, молодецъ, берегись, это вѣщаетъ не добро. Черное — значитъ зло, а красное — кровь. Теперь довольно, больше ничего нельзя сказать.

Парень ушелъ отъ него въ смятеніи. Предсказаніе сильно поразила его. Всю ночь онъ продумалъ, что бы это значило, а къ утру сказалъ самъ себѣ.

— Что бы не было, а Марѳу дядѣ не уступлю.

И потихоньку положилъ заколдованный кореш окъ подъ постель дяди.

Но или возденежко было слабо, или Ѳалдей отворотился отъ него, или племянникъ не съумѣлъ положить какъ слѣдовало, только дядя отъ кра-

савицы не отказался и черезъ шесть недѣль сыгралъ съ ней свадьбу. Къ вѣнцу чуть не связанною привезли Мареу, а на канунѣ свадьбы отецъ ее сильно побилъ за упорство и неповиновеніе родительской его волѣ.

Кузьма сильно бѣсился, но ничего не могъ подѣлать: только въ гнѣвѣ своемъ далъ заклятье, не вѣрить больше колдунамъ и при первомъ случаѣ дать встряску Захарычу за обманъ.

Какъ и водится, Мареа поселилась въ домѣ стараго мужа. Онъ началъ, нечего сказать, ее холить и кормить, рядить и дарить, но положеніе ея было невыносимо, тѣмъ болѣе, что подъ одной крышей съ ней жилъ Кузьма. Дядя сначала изъ боязни хотѣлъ было его прогнать; но племянникъ перехитрилъ его: онъ прикинулся, что Мареа ему противна, что онъ только съ молоду да съ глупости сперва просилъ было ее въ жены, а теперь, какъ увидалъ ее, такъ она ему опостылила.

Дядя вдался въ обманъ. Кузьма остался по прежнему въ его домѣ, съ этихъ поръ началъ тайно преслѣдовать Мареу. Послѣдняя долго крѣпилась, не подавала ему никакого повода, старалась заглушить въ себѣ чувство, но послѣднее невольно вырвалось и въ этотъ моментъ настигъ ее грозный мужъ. (*)

(*) При томъ неспокойномъ, какой существовалъ въ древней семьѣ, уродливости и неестественности отношеній, рождались легко самыя грустныя сцены въ семейномъ быту; человѣкъ попадалъ часто въ трагическое положеніе, которое вело къ бѣдѣ.

ГЛАВА III.

Расправа

При видѣ мужа Мареа съ дикимъ воплемъ отскочила отъ ошеломленнаго Кузьмы, вся задрожала и повалилась въ ноги Ѳаддею, причитая:

— Господинъ ты мой, батюшка, попуталъ меня окаянный! воля твоя, сымай съ меня безталанной головушку повинную!

Но она не успѣла еще договорить послѣдняго слова какъ въ воздухѣ свистнулъ кнутъ и раздался сильный ударъ по ея спинѣ. Разъяренный Ѳаддей, сорвавъ съ головы пиковой повойникъ, схватилъ ее за разсыпавшіяся роскошныя косы и началъ рвать ихъ. Видъ яростнаго старика былъ страшенъ и отвратителенъ. Съ минуту Рощинъ стоялъ неподвижно, но когда увидалъ истя-

заніе и поруганіе любимой женщины, кровь бро
силась ему въ голову, онъ подскочилъ къ дядь
схватилъ его поперекъ и отбросилъ въ уголъ
проговаря:

— Дяденька, не трожь ее, я одинъ виноватъ

— Вонъ! злодѣй разбойникъ! заревѣлъ Ѳадде
подымаясь на ноги: а, ты обезчестилъ мою голо
ву, да еще смѣлъ поднять на меня руку... С
погоди варнакъ, я справлюсь съ тобой, упек
туда, куда воронъ и костей не заносилъ.... А
ты не даешь мнѣ расправиться съ Мареушко
за мою поруху... караулъ! эй, Мишка, Васьк
всѣ сюда! кричалъ старикъ, отворивъ дверь из
свѣтлицы, и минуты черезъ три весь домъ по
нялся на ноги. Вбѣжало нѣсколько здоровых
работниковъ и нѣсколько женщинъ.

— Связать его, разбойника! крикнулъ мущинам
старикъ, указывая на племянника, который, за
слоня собой Мареу, стоялъ въ грозномъ положени

По второму приказу работники несмѣло нач
ли подступать къ Рощину, но послѣдній сказал

— Братцы, не подходи лучше, коль дорог
животъ свой!

Въ тонѣ этого голоса слышалась такая р
шительность, что работники, зная его силы и
давни, какъ онъ одинъ ходилъ на стѣнку, ост
новились и въ недоумѣніи посматривали дру
на друга.

Старикъ еще пуще взбѣсился.

— Чтожъ вы стоите! крикнулъ онъ. бей

въ мою голову! А не слушать меня, такъ погоди, всѣхъ на съѣзжую избу отправлю.

Эта угроза нѣсколько расшевелила работниковъ; одинъ изъ нихъ, обратясь къ товарищамъ, сказалъ:

— Митрій, Мишутка, Васька, а ну ко, сообща набросимся на Кузьму!

— А какъ онъ тя хлыснетъ, молвилъ Митрій, почесывая затылокъ: бяда, братикъ.

— Ишь онъ чертъ какой, намеднись одинъ всю стѣну побилъ, добавилъ другой.

— Такъ чтожъ намъ дѣлать теперича, братцы и съ нимъ бяда, и отъ Ѳадея Терентича будетъ худо, коли не уважимъ, вѣдь на съѣзжей то батогами по его приказу откатаютъ.

Пока шелъ этотъ переговоръ, старикъ, какъ сумашедшій, бѣгалъ по свѣтлицѣ, рвалъ на себѣ, остатки сѣдыхъ волосъ и, чувствуя свое безсиліе, еще больше ярился.

— А вотъ что, братцы, снова началъ разсудительный работникъ, давайкось, опробуемъ и уговоримъ Кузьму, авось и покорится добромъ.

— Нешто валяй.

— Кузьма родимый, покарись дядѣ-то

— Да ты глупый, человѣкъ, чего боишься, мы не рѣшимъ тебя, а такъ только для удовольствія дядѣ то маленько.....

— Такъ чуточку только, подхватили другіе.

Но и эти увѣщанія не повели ни къ чему. Рощинъ не измѣнялъ своей позы, но вдругъ, обратясь къ дядѣ, сказалъ:

— Дядя, коли дашь ты мнѣ твердое свое слово, не трогать тетеньку, такъ покорюсь и тогда дѣлай со мной что хочешь.

— Вотъ и ладно, подхватили работники. Ѳаддей Терентичь, давай ты ему слово, а тамъ ужъ во какъ отбузуемъ.

Но старикъ молчалъ и только свирѣпо посматривалъ то на Кузьму, то на Мареу. Наконецъ послѣдняя, пришедъ въ себя отъ испуга, сказала:

— Кузя, покорись или уходи отсюда.

— А что же съ тобой будетъ, тетенька?

— Что укажетъ Господь.

Рощинъ съ тоской взглянулъ на нее, повернулся и пошелъ на работниковъ, которые начали пятиться отъ него, точно отъ медвѣдя. Никто не посмѣлъ остановить богатыря.

По уходѣ его Ѳаддей, хотя и не сталъ бить жены, но взялъ ее за руку, подвелъ къ холодному чулану, втолкнулъ ее туда, заперъ дверь, а ключъ взялъ съ собой. Оставшись одинъ, онъ сѣлъ на скамью и глубоко задумался. Его вдвойнѣ мучила злоба на племянника и онъ придумывалъ какъ бы лучше отомстить ему.

— Разорю его въ раззоръ, шепталъ онъ, ничего не дамъ, вышвырну на улицу... но нѣтъ, этого мало, съ нимъ надыть сдѣлать то, чтобъ онъ вѣкъ помнилъ это. Чтобы это придумать, такое?

Ѳаддей сталъ думать; на этотъ разъ онъ не могъ ничего выдумать, какъ только позвать работника. Когда взошелъ послѣдній, то онъ сказалъ ему:

— Васька, знаешь ты Парамоныча?

— Это такой маленькій дьякъ?

— Да.

— Какъ не видать; яго, почитай, всѣ знаютъ, ужъ такой лихой человѣкъ, хуже дворовой нашей Жучки.

— А гдѣ онъ живетъ?

— И избу его вѣдаю.

— Такъ обратай коня, заложи въ телѣгу и привози его ко мнѣ; скажи ему, что я желаю его, молъ, видѣть, дѣло есть.

— Ладно же!

Работникъ вышелъ и черезъ четверть часа со двора съѣхала телѣга за Парамонычемъ.

Эта личность была не послѣдняя въ общественномъ быту того времени. Парамонычъ былъ сутяга и ходокъ по дѣламъ. Онъ могъ придумать всякое скверное дѣло и ни одного хорошаго. Имъ пользовались всѣ тѣ, кто хотѣлъ засудить въ чемъ нибудь своего подруга, и лучше его никто не могъ запутать, оклеветать и очернить человѣка. Его всѣ ненавидѣли, но изъ боязни водились и ѣли хлѣбъ-соль съ нимъ. При томъ невѣжествѣ, какое окружало тогда русскаго человѣка, эта личность была страшна и вредна; и такихъ людей не мало водилось тогда. Обладая хитрымъ пронырливымъ умомъ, Парамонычъ хорошо могъ понять слабую сторону каждаго и пользовался этимъ по своему усмотрѣнію.

Прошелъ часъ, какъ за нимъ отправился работникъ, и Ѳаддей выходилъ изъ себя, что такъ

долго не являлся къ нему сутяга. Наконецъ на дворѣ застучали колеса и въ избу взошелъ человѣкъ невысокаго роста, лѣтъ сорока. Лицо его было кругловато и красно. Маленькіе хитрые глаза бѣгали быстро и поминутно переходили съ одного предмета на другой. Русая бородка была подстрижена, волосы гладко причесаны. На немъ былъ надѣтъ желтаго цвѣта кафтанъ, съ высокимъ козыремъ (воротникомъ) сзади, что обличало въ немъ наклонность къ щегольству. На ногахъ были надѣты валенки. Эта то особа и прозывалась Парамонычемъ. Ѳаддей, какъ увидалъ его, такъ вскочилъ съ лавки и радостно крикнулъ:

— Насилу то тя черти принесли, Парамонычъ!

Вмѣсто отвѣта Парамонычъ, какъ человѣкъ полированный, этикетный по тогдашнему времени, перекрестился на образа и потомъ поклонился на всѣ четыре стороны. Сдѣлавъ два шага впередъ, онъ монотоннымъ голосомъ произнесъ, прижа руки къ груди своей.

— Благословеніе дому сему! желаю здравствовать тебѣ, Ѳаддей Терентьичъ, на многіе вѣка, вмѣстѣ и съ хозяюшкой, жить тебѣ, поживать и дѣтей наживать, царю государю добрыхъ слугъ, а тебѣ работниковъ...

— Полно, теперь не время многоглаголить, перебилъ гостя хозяинъ. Садись на почетное мѣсто, подъ образа.

— Мнѣ ли, страдному рабу, недостойному человѣку подобаетъ лицевая честь?..

— Да перестань чиниться, принимай почетъ, — и хозяинъ безъ дальнѣйшихъ словъ подхватилъ Парамоныча подъ локоть и потащилъ силкомъ на почетное мѣсто.

Усадивъ гостя, онъ подошелъ къ поставцу, досталъ изъ него пѣннику, два деревянныхъ кубка и большой край, пшеничнаго пирога съ лукомъ и кашей. Все это поставилъ онъ на столъ. Гость соблюдалъ молчаніе, сидѣлъ, словно бронзовая статуя, неподвижно, что по его убѣжденію состовляло необходимое приличіе и особенную деликатность.

— Ну чокнемся, Парамонычъ! проговорилъ хозяинъ, наливъ пѣннику въ кубки, да и закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ.

— Уволь, Ѳаддей Терентьичъ, не могу! съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ гость.

— Это отъ чего?

— Сегодня пятница, и по грѣхамъ своимъ чтобы спасти свою душу, я далъ обѣщаніе не впускать во утробу мою ничего, кромѣ ломтя хлѣба и воды.

— Э, полно...

— Право не могу.

— Ну для меня, нарушь свое слово, не обидь!

— Вотъ обидѣть то я и не хочу, ибо въ Писаніи сказано: не обижай ближняго твоего.. Если ты, Ѳаддей Терентьичъ, принимаешь мое нежеланіе за обиду, то такъ и быть, беру грѣхъ на свою душу, но только для твоей милости; для другаго бы не сдѣлалъ ни за что въ свѣтѣ, даже

для отца съ матерью... Господи, прости прегрѣшеніе раба окаяннаго...

И съ этимъ словомъ онъ осушилъ кубокъ, въ который по нынѣшней мѣрѣ могла умѣститься косушка.

— Вотъ люблю за это! закусывай. А ну-ка по другой чаркѣ хватимъ.

— И ни, ни.... нѣсть спасенія во многомъ питіи...

— Да для меня, болѣе и подчивать не стану, уважь!

— Для тебя, Ѳаддей Терентьичъ, изволь.

И выпили по другой чарѣ. Гость сдѣлался живѣе, но не начиналъ разговора, ожидая его отъ хозяина. Послѣ третьяго пріема пѣннику, выпитаго съ такими же поклонами, Ѳаддей сказалъ:

— Парамонычъ, вѣдь ты можешь сдѣлать такъ, чтобъ человѣка заслали туда, куда Макаръ и телятъ не гонялъ?

— Могу.

Согнуть подлеца въ бараній рогъ, чтобъ онъ пикнуть не смѣлъ, дохнуть не могъ, съ возрастающимъ гнѣвомъ продолжалъ Ѳаддей.

— И это могу, все могу!

— Ой-ли?

— Это вѣрно.

— А ну ка скажи-ка какъ?

— Настряпую такую стряпню, что ему не расхлебать, и подавится онъ ею.

— Неужъ то то правда! .. вотъ такъ знатно! экой ты милый человѣкъ, давай поцѣлуемся!

— Для тебя, изволь.

Они облобызались, Парамонычъ сказалъ:

— Но скажи на милость, Ѳаддей Терентьичъ, кто же могъ обидѣть тебя, ты человѣкъ въ силѣ, именитости, и кто же противъ тебя?... удивляюсь.

— А вотъ и нашелся такой человѣкъ.

— Знать онъ сорви голова.

— Разбойникъ!

— Но кто?

— Кузька мой?

— Племянникъ! и Парамонычъ въ ужасѣ всплеснулъ руками.

— Да вотъ и поди ты!

— И какъ онъ посмѣлъ пойдти супротивъ старшаго.

— Да такъ за одну провинность я хотѣлъ его отвалять, а онъ не дался, да еще что: поднялъ на меня руки... О, я никогда этого не прощу! я упеку его... я... я...

Ѳаддей задыхался отъ злости.

— А Ѳаддей Терентьевичъ, плаксиво началъ Парамонычъ: каковъ нонѣ міръ сталъ, что дѣлаетъ молодость то... О, этотъ Кузька; у меня съ нимъ есть и свои счеты...

— Какіе?

— Николи не ломаетъ шапки передо мной и не даетъ дороги...

— Ишь какой варнава!

— Сущій.

— Такъ ты вотъ и придумай, какъ лучше его [illegible]утить.

— Можно въ воеводскій приказъ свесть.

— А тамъ что будетъ?

— Подмажешь кого слѣдуетъ, такъ тамъ все сдѣлаютъ, что хочешь.

— А что примѣрно?

— И на дыбу подымутъ, и батогами вдосталь отполосуютъ

— И только?

— А тебѣ чего же еще?

— Да мнѣ такъ надо, чтобъ его и духу здѣсь не осталось.

— Вотъ что!

— Да!... Парамонычъ, другъ, ничего не пожалѣю, смастери только.

— Для тебя, изволь; да вѣдь что, тутъ корабленникомъ, али двумя не отвернешься.

— Пять, десять, двадцать не пожалѣю!

— А коли такъ, то нужно обдумать.

— Обдумывай.

Гость погрузился въ думу. Ѳаддей заходилъ по избѣ, нетерпѣливо ожидая великаго рѣшенія отъ сутяги. Въ такомъ положеніи прошло не мало времени. Наконецъ Ѳаддей, потерявъ терпѣніе, воскликнулъ:

— Выдумалъ что ли, Парамонычъ, не томи души.

— Выдумылъ! торжественно и сіяя радостью отвѣчалъ сутяга.

— Ну что?

— Скажи сперва, не въ примѣту ли те

когда бывало, что Кузька нюхаетъ, али куритъ проклятое зелье?

— Нѣтъ, это грѣхъ сказать.

— А коли такъ, то нечего и начитать (съ нимъ дѣло.

— Погоди, погоди, кажется, что онъ нюхалъ табачище, я это во снѣ опомнясь видѣлъ, испугался даже.

— Ну сонъ говоритъ и правду.

— Извѣстно. Но чтожъ изъ этого?

— Что? а вотъ что: табачище нюхать не установлено, а кто его лопаетъ, тому указано рвать ноздри. *) Ты развѣ не знаешь этаго?

— Какъ не знать.

— Ну вотъ ты и донесешь на Кузьку, что онъ нюхальщикъ, а свидѣтелей подыщу я,—а улику тайкомъ подсунемъ ему куда нибудь.

Ѳаддей чуть не вспрыгнулъ отъ радости и крикнулъ.

— Ай да Парамонычъ! ишь какую штуку откололъ... такъ, такъ, ему надо вырвать ноздри. Эхъ, да не мѣшало бы и сжечь.

— И это устрою, коли хочешь.

— А какъ?

— Подложимъ ему колдовскихъ травъ, ко-

---

*) Табакъ считался проклятымъ. Стоглавымъ соборомъ постановлено было запрещеніе и наказаніе за употребленіе табаку. Это было при Іоаннѣ Грозномъ и послѣдующія узаконенія предавали нюхальщиковъ и курильщиковъ. Но не смотря на это, много его употребляли. Такъ продолжалось до Петра Великаго.

рсньевъ, а тамъ и уличимъ въ ворожбѣ; *) жаль, что онъ не умѣетъ только грамотѣ.

— Умѣетъ, песій сынъ!

— Отлично, теперь легче будетъ уличить его и въ чернокнижіи. Ну, Ѳаддей, Кузьку безпремѣнно уходимъ

— Такъ пиши доносъ.

— Завтра изготовлю; а теперь прощай, да за труды задаточекъ пожалуй, дѣло пойдетъ въ ходъ.

— Изволь, изволь, не пожалѣю.

Ѳаддей выдвинулъ изъ подъ лавки сундукъ, открылъ его и изъ-подъ наваленной тамъ одежи вытащилъ кису съ кораблениками, изъ которыхъ и далъ пять сутягѣ.

Они разстались.

---

*) Колдуньи считались.

ГЛАВА IV.

Роковая встрѣча.

Въ то время, когда готовилась и собиралась гроза надъ головой Рощина, самъ онъ шелъ по слободскимъ улицамъ, не обращая ни на кого вниманія. Положеніе его было тяжело. Страстный и кипучій отъ природы, онъ въ первыя минуты чувствовалъ необыкновенное волненіе въ себѣ, кровь огнемъ била въ жилахъ и бросилась въ голову, стуча въ виски. Ему казалось, что съ потерей Мареы онъ потерялъ все въ жизни и для него не остается ничего какъ умереть. Находясь въ такомъ состояніи, онъ и не замѣтилъ какъ передъ нимъ изъ за воротъ одной улицы вынырнулъ одинъ человѣкъ. Онъ былъ въ меховомъ колпакѣ, холстинной рубахѣ и съ изд-

нымъ крестомъ на груди. Сравнявшись съ Рощинымъ, онъ гнусливо затянулъ:

— Кузя, подай копѣечку на храмъ Божій, на помилованіе своей души бѣдной.

Рощинъ поднялъ голову и проговорилъ шаря въ карманахъ:

— А, это ты, Паша! на вотъ копѣечку, помолись за меня.

Онъ хотѣлъ пройдти мимо, но Паша взялъ его за руку, пристально посмотрѣлъ ему въ лицо и потомъ горько заплакалъ. Удивленный Кузьма сказалъ:

— Паша, да о чемъ же плачешь ты?

— Ахъ, Кузя, жалко мнѣ тебя, ишь на себя не похожъ. . о, помолись Господу, помолись Ему, онъ поможетъ тебѣ.

Рощинъ тяжело вздохнулъ. Паша продолжалъ:

— Кузя, одумайся, что хочешь ты дѣлать; не губи себя, опомнись!

Но вдругъ Паша отскочилъ отъ него и въ какомъ-то ужасѣ закрывъ глаза рукой, воскликнулъ.

— Что я видѣлъ, что я видѣлъ!... Кузя, зачѣмъ у тебя руки въ крови? о, сотри ее, смой, но не водой, а слезами покаянья... ахъ, зачѣмъ ты замаралъ руки кровью!

Кузьма съ ужасомъ взглянулъ на свои руки, и не видя на нихъ ничего особеннаго, съ удивленіемъ молвилъ:

— Да, Паша, гдѣ же ты видишь кровь на мнѣ?

— Вижу, вижу ты весь въ ней! Иди со мной назадъ, пойдемъ молиться ..

— Да куда же, теперь всѣ церкви заперты.

— О, иди, говорю тебѣ.

— Полно, Паша, что ты это говоришь. Вотъ завтра иное дѣло... прощай.

Онъ пошелъ впередъ, а Паша долго глядѣлъ ему въ слѣдъ, потомъ палъ на колѣни, поднялъ руки къ небу и со слезами на глазахъ воскликнулъ:

— О, Господи, помилуй его! Проговоря это, онъ вскочилъ и подпрыгивая побѣжалъ по улицѣ.

При видѣ его, ребята, игравшіе на улицѣ, гурьбой бросились за нимъ, дразня и дергая его за рубаху. Но онъ ни мало не обращалъ на это вниманія и только кричалъ:

— Копѣечку, копѣечку Пашѣ!

Однако оставимъ его и возвратимся къ Рощину.

— Къ чему сказалъ мнѣ юродивый Паша, думалъ онъ, выходя изъ слободы и направляясь къ берегу Волги: что означаютъ его слова, а что нибудь да не ладно; вѣдь всѣ говорятъ, что онъ предсказываетъ.

Рощинъ задумался. Рѣчь странная юродиваго сильно смутила его, а не вѣрить ей тоже нельзя было, ибо въ тѣ вѣка юродивые считались за святыхъ людей и тѣ, кто дѣйствительно наложа юродство, строго велъ себя, служа для всѣхъ примѣромъ высоко-честной жизни, имѣли огромное вліяніе на умы.

— Кровь, онъ говоритъ, на мнѣ, но чья? развѣ только та, что опомнясь на кулачномъ бою я окапался въ крови, ушибивъ до полусмерти

Ваньку; такъ это чтожъ, я не одинъ, а всѣ такъ сдѣлали бы въ честномъ бою; вѣдь не дать же себя бить... Странно, право дивно, раздумывалъ про себя Кузьма и въ то же время въ умѣ его невольно носился образъ Мареы и послѣдняя сцена съ ней.

Мареуша, думалъ онъ, подходя къ ней; что-то дѣлаетъ надъ тобой теперь твой мужъ? чай терзаетъ твое тѣло бѣлое, растрепливаетъ косыньки шелковыя.

И мало по малу дума о ней вылилась въ грустной пѣснѣ. Не смотря на свою тоску, онъ еще смогъ запѣть, какъ это всегда почти бываетъ съ простой, первобытной натурой, не привыкшей долго быть сосредоточенной въ самой себѣ. Въ воздухѣ раздались отголоски слѣдующей его думы:

«Ахъ ты горькая моя судьба,
Загубила меня, молодца,
Разлучила меня доля,
Что съ лебедушкой, моей Мареушкой!
Горе тяжкое, тяжелое
Налегло на душу каменемъ,
Давитъ мнѣ оно сердце пылкое,
Жжетъ его, словно полымемъ.
Не забыть мнѣ уже прошлаго,
Какъ любился я съ красавицей,
Всей душой моей горячею
Любилъ я то ли Мареушеньку.
Гдѣ же дни моей вы радости,
Прокатились, не вернетесь вы!

Не видать мнѣ свѣта бѣлаго
Не ласкать ужъ больше дѣвицу.
Ахъ, ты доля моя горькая
Ахъ, ты доля безталанная!
На душѣ тоска тяжелая,
Ноетъ сердце горемычное!
Разлучили съ нею, бѣднаго
Люди хитрые, недобрые,
Дорогое сердцу отняли...
Буду-жъ въ людяхъ горе мыкати!...

— Что расхныкался, куда лѣзешь, али не видишь, что обрывъ! внезапно раздался подлѣ него чей-то грубый голосъ, который заставилъ Рощина остановиться.

Онъ взглянулъ и невольно сдѣлалъ прыжокъ назадъ. Кузьма стоялъ на краю обрыва, свиснувшаго надъ самой рѣкой, и сдѣлай онъ еще шага два впередъ, то непремѣнно полетѣлъ бы съ громадной высоты въ водную бездну. Рощинъ самъ не понималъ какъ очутился тутъ. Глянулъ онъ и на того, кто предупредилъ его. Это былъ высокаго роста мущина, съ бородой, быстрыми глазами, одѣтый въ овчинный полушубокъ за поясомъ котораго былъ заткнутъ тяжелый топоръ.

Оба они внимательно оглянули другъ друга. Незнакомецъ пододвинулся къ Рощину, положилъ руку на плечо и сказалъ:

— Чтожъ, молодецъ, не говоришь спасибо что отъ смерти тя избавилъ?

— Не за что! отрывисто отвѣтилъ Рощинъ.

— Вотъ тебѣ разъ! что такъ?

Рощинъ ничего не отвѣчалъ.

— Что молчишь? ты вотъ сейчасъ все распѣвалъ о какой то Мареушенькѣ, аль она тя зазнобила.

— Это мое дѣло.

— Экой нелюдимый, со смѣхомъ проговорилъ незнакомецъ: что на меня волкомъ смотришь, не съѣшь, костистъ больно я; мнѣ тебя право жаль.

— Жалѣй о себѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, парень, ну такому ли молодцу погибать изъ за какой нибудь бабенки.

Рощинъ встрепенулся и передернувъ плечами, быстро сказалъ:

— Слушай ты, длинновязый, если еще хоть такое подобное слово вымолвишь, такъ у меня будетъ расправа коротка съ тобой.

— Ого! а ну ка скажи какая?

— Къ верху ногами, а головой внизъ полетишь въ рѣку отсюда!

— Ай, да парень, молодецъ! люблю такихъ! обычай, это по нашему, усмѣхаясь продолжалъ незнакомецъ и дѣлая шага три назадъ отъ опаснаго сосѣда: а что молодецъ, краля то твоя не кривоногая?

— Не смѣйся же, говорю! крикнулъ Рощинъ бросаясь къ незнакомцу.

Но послѣдній ловко увернулся, сбѣжалъ съ косогора и смѣясь продолжалъ:

— И зубы всѣ цѣлы у ней, ай да Мареуха.

Рощинъ въ бѣшенствѣ заскрежетавъ зубами и побѣжалъ на незнакомца, который теперь уже не уходилъ, а скрестивъ руки на груди, спокойно ожидалъ Кузьму.

— Теперь, молодецъ, я ужъ больше не побѣгу, а коли ужъ пришла тебѣ такая охота помять себѣ бока за свою красу, красоту мамевную, такъ изволь, я те уважу. Тамъ, на краю то, было опасливо, того и гляди, что оба шеи бы свернули, ну, а здѣсь не тово, хоша и затрещатъ кости, да одначе все цѣлъ останешься, говоритъ, все сжавсь онъ, и, отразивъ сильный ударъ Рощина, схватился съ нимъ бороться.

— Э, да ты и впрямь удалецъ, борясь говорилъ незнакомецъ, напрягая всѣ свои силы, чтобы опрокинуть Рощина, экой медвѣдь, экъ какъ ломитъ...

Но онъ не успѣлъ договорить этого слова, какъ Рощинъ собравъ всѣ свои силы, приподнялъ великана и какъ перо бросилъ на землю. Насѣвъ потомъ на него, онъ злобно сказалъ:

— А теперь будешь насмѣхаться надо мной, вотъ я те задамъ!

— Охъ, стой, годи, вотъ силища то... отпусти душу на покаянье...

— А, а, замолился. Ну, не будешь трогать и помнить Марею.

— Ну тебя съ ней. Владѣй Перевъ своей Матреной. Это я говорилъ такъ, чтобъ только

раззадорить тебя, а то ты былъ очень грустенъ, такъ и хотѣлъ бултыхнуться въ воду.

Кузьма отошелъ отъ него. Дѣйствительно, борьба разгорячила его, а странность незнакомца очень заинтересовала.

Послѣдній, приподнявшись и сѣвъ на землю, продолжалъ:

— Ну, товарищъ, не обиженъ ты силкой. Зовутъ меня Егоромъ Подкова...

— Подкова?

— Да, что, небось слыхалъ про меня, ну-да не объ этомъ теперь рѣчь, послѣ поговоримъ. Прозвали это меня Подковой потому, что я гну и разгибаю ихъ какъ тростинку и по сіе время не находилъ по себѣ молодца, а теперь наскочилъ. Благодарю, славно намялъ мнѣ бока. Садись поближе, покалякаемъ, какъ тя звать?

— Кузьмой, садясь около Подковы, проговорилъ Рощинъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на него.

Въ то время имя Подковы было вездѣ извѣстно, какъ самаго отважнаго атамана по Волгѣ. Про него ходило много разсказовъ: онъ смѣло появлялся вездѣ и счастливо уходилъ отъ преслѣдованія.

— Та зачѣмъ здѣсь? съ любопытствомъ спросилъ Подкову Кузьма.

— Да такъ, вонъ на лодочкѣ, что стоитъ подъ косогоромъ, пріѣхалъ я подъ Казань, васъ поглядѣть и себя показать.

— А ну какъ тебя схватятъ?

— Ну такъ что?

— Вѣдь повѣсятъ.

— Надо полагать, что такъ.

— Экой ты смѣльчакъ.

— Не смѣлѣе тебя.

— Какъ такъ?

— А такъ, вѣдь ты не боялся же схватиться со мной.

— Да я не зналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло.

— А не то бы струсилъ?

— Нѣтъ, не то, а подумалъ бы.

— Вотъ такъ! Ну, Кузьма, скажи ты мнѣ по правдѣ, за что хотѣлъ сгубить себя.

— Отняли отъ меня силкомъ мою любу, грустно сказалъ Рощинъ.

— Да, это не складно: но все таки унывать не надо. Эхъ, Кузьма, кабы ты да побратался со мной, да пошелъ бы къ намъ въ станичники.

— Это въ разбойники-то? что ты, перекрестись.

— Вы насъ такъ называете, а мы люди вольные.

— А хорошее житье?

— Да такое, что сейчасъ бы позабылъ свое горе. Нынче несемся мы на быстрыхъ стругахъ по широкой Волгѣ, собираемъ дань съ купцовъ торгашей; завтра пьемъ, гуляемъ и поемъ. Тамъ, на далекомъ то ли морѣ Хвалынскомъ, схватимся съ нечистымъ азіатомъ, здѣсь истеснимъ братомъ, православнымъ, коли онъ смѣлъ и удалъ. Эхъ товарищъ, и сколько прекрасныхъ разныхъ

красавицъ, такъ не перечтешь, какъ не сосчитаешь на днѣ морскомъ песку. Да, наша жизнь бурна и весела; мы вольны какъ вѣтеръ, беззаботны какъ птицы.

Увлекаясь, продолжалъ грабитель, понимая по своему свою жизнь, и не вѣдая того, что она не въ этомъ состоитъ, а въ трудѣ и честномъ исполненіи наложенныхъ обязанностей; что чужое добро, награбленное, въ прокъ никогда не пойдетъ и что рано или поздно, здѣсь на землѣ, постигнетъ грабителя за безобразную жизнь судъ людской, а такъ, за гробомъ—Божій.

И долго продолжалъ Подкова говорить въ своемъ духѣ; слушалъ его Рощинъ и подъ конецъ сказалъ:

— А что, и впрямь ваша жизнь удалая?

— Это вѣрно я говорю тебѣ.

— Только совѣстно.

— Вотъ какъ! а у васъ разве не тоже дѣлается?

— Это такъ?

— А такъ. Ты говоришь мы обижаемъ напрасно, а вотъ хоть напримѣръ тебя за что обидѣли?

Рощинъ вздрогнулъ, Подкова продолжалъ:

— Слушай, Кузьма, коли ты надумаешь посмотрѣть нашу жизнь да товарищество, такъ дай мнѣ знать.

— Дать знать, а черезъ кого?

— Знаешь Омляша?

— Татаринъ, который лапе торгуетъ мѣхами?

— Онъ самый.

— Ну такъ чтожъ?

— А то, что я вожу съ нимъ хлѣбъ соль; я вездѣ имѣю знакомыхъ. Такъ ты черезъ него и дай мнѣ вѣсточку или онъ тебѣ укажетъ дорогу ко мнѣ. Очень ужъ ты мнѣ по сердцу пришелъ. Ну, прощай пока, я вѣдь здѣсь останавливался только для отдыха, а ѣздилъ вверхъ высматривать мѣста для зимовки; мы вѣдь въ это-то время степенимся и живемъ покойно.

Они разстались. Рощинъ смотрѣлъ долго ему вслѣдъ, пока отважный Подкова не скрылся изъ глазъ...

DAMAGED PAGE

ГЛАВА V.

Судьба.

Ѳаддей Терентьичъ, узнавъ, что племянникъ ушелъ изъ дому, строго на строго наказалъ не пускать больше его на дворъ; такимъ образомъ Рощинъ принужденъ былъ переночевать у одного пріятеля.

На другой день утромъ, онъ прямо пошелъ въ амбаръ дяди, въ которомъ уже находился послѣдній. Зная хорошо характеръ его, Рощинъ хотѣлъ выпросить у него хоть одежду, а тамъ думалъ наняться въ людяхъ. Пришелъ въ лавку. Дядя замѣтилъ его, но не подалъ и вида и только покосился.

Рощинъ, поклонясь, сказалъ:

— Дяденька.

Дядя посмотрѣлъ на него глазами и грозно крикнулъ:

— Пошелъ вонъ!

— Пожалуйте хоть одежонку.

— Нѣтъ тебѣ ничего!

— Какъ же вѣдь грѣшно...

Ѳаддей Торентьичъ, нѣкоторое время, подбѣжалъ къ нему и этакъ толкнулъ его. Злость было начала разбирать Кузьму, но онъ одумался и пошелъ, не получивъ ничего.

Въ это время встрѣтилъ его сосѣдъ.

— Ну что? полнымъ онъ...

— Ихъ дуракъ не принятъ.

— А ничего не отдалъ?

— Ни сины пороха, есть какъ есть теперь въ одномъ полушубкѣ остался. Хочу идти просить.

Товарищъ почесалъ въ затылкѣ и продолжалъ:

— Ничего не будетъ изъ этого, Кузьма, потому это, что Ѳаддей въ силѣ и крыжи немеліе сдѣлать скорѣе не онъ, чѣмъ по своему. Опромиче у сосѣда Ваньки тоже случилась исторія, крепкимъ дѣтинка, тоже поженился, его ненаглядную жену сдалъ... Вотъ его... Вотъ... его... ея... хорошо... просить... ея... ея... ея

Они разошлись. Рощин вышел на улицу, не зная, что будетъ дѣлать дальше; но среди этихъ заботъ дума его не переставала носиться около Мареы, и онъ, незамѣтно для себя, очутился около дядиной избы.

Въ тѣ времена всѣ постройки были деревянныя, за исключеніемъ нѣсколькихъ боярскихъ домовъ въ Москвѣ, которые были выстроены изъ кирпича и камня.

Изба Ѳаддея, какъ зажиточнаго человѣка, была срублена въ двѣ избы и покрыта соломой; въ окнахъ, вмѣсто стеколъ, была натянута промасленная бумага. Весь дворъ обносился высокимъ тыномъ, посреди которого находились тесовыя ворота, постоянно запертыя, даже на верху,—по старому обычаю, вдѣланы были пики. Видя, что съ переда взойти нельзя, Кузьма обошелъ кругомъ, зашелъ съ огорода и перескочилъ черезъ плетень.

Въ это время онъ зналъ, что мущинъ въ домѣ никого не было, а оставались одни женщины, почему и смѣло вошелъ въ избу. Первая, кто предстала ему, была Марея, тотъ же часъ одной изъ работницъ суетилась у печки и пекла блины. Глаза у ней были опухшіе. Ѳаддей продержалъ ее ночь въ холодномъ чулаѣ, на утро спохватился и выпустилъ. Поклонясь низкопоклонному мужу, Марея сказала:

— Винюсь, государь мой батюшка, Ѳаддей Терентьевичъ, передъ тобой.

— А будешь ли покорна на предки?

— Буду, Ѳаддей Терентьевичъ. Покорно благодарю за науку.

— Ну ладно, проститъ тебя Богъ, впередъ будь покорна мнѣ. Слушай.

И Мареа принялась какъ ни въ чемъ не бывало за работу въ домѣ. Распредѣлила, что кому слѣдуетъ, а когда мужъ ушелъ въ амбаръ, принялась за стряпню.

Ночь, проведенная ею въ холодномъ чуланѣ, имѣла свое дѣйствіе и наставила Мареу на умъ разумъ. Всю ночь провела она въ безпокойномъ снѣ и грезилось ей какъ мучаются за пробомъ души тѣхъ, которые на землѣ преступили законъ. Она дала себѣ слово, что какъ бы ни горькая, ни тяжела была ея жизнь, она уже болѣе не собьется съ своего пути.

Подъ вліяніемъ то этихъ мыслей она и находилась, когда взошелъ Рощинъ. Онъ какъ истуканъ остановился на порогѣ. Мареа отвернулась къ печкѣ, творя про себя молитву и призывая всѣхъ святыхъ, чтобъ они защитили ее отъ этого дьявольскаго наважденія, а работница, при видѣ Рощина, горько вскрикнула:

— Кузьма, акъ Кузенька, побѣднай твоя головушка! уходи, родной, скорѣе отсюда, а то не сносить тебѣ своей головушки!

— Анеся и сюда, молвилъ Кузьма, обратившись къ тѣмъ, сказалъ.

— Здравствуй, Мареа Васильевна, какъ то можется да здоровится тебѣ?

Глянула на него Марѳа и онъ такъ и застылъ подъ ея взглядомъ. Такъ холоденъ и насуренъ онъ былъ. Этотъ взглядъ былъ одинъ изъ тѣхъ, когда любимая женщина, желая сразу положить камень между прошлымъ и настоящимъ, смотритъ на мущину: тутъ кромѣ уничтожающаго презрѣнія, не выражается ничего.

— Кузьма, начала потомъ Марѳа: Ѳаддей Терентьевичъ не велѣлъ тебѣ не только показываться мнѣ на глаза, но и въ избѣ-то нашей близко не подходить.

Злость схватила сердце Кузьмы. Онъ злобно проговорилъ:

— Ишь ты, а я вотъ и пришелъ.

Такъ поди вонъ и не мути покоя добрыхъ людей.

— Хорошо, я пойду, но вспомнишь и ты меня, и вы всѣ!

Съ какой-то особенной угрозой проговорилъ онъ и вышелъ.

Едва затворилась за нимъ дверь, какъ у Марѳы пропала вся напускная холодность и слезы закапали изъ ея очей.

Кузьма остановился на нѣсколько времени въ огородѣ и въ молчаніи смотрѣлъ на небо, гдѣ для него заключалось такъ много драгоцѣннаго.

— Что дѣлать, что дѣлать? шепталъ онъ: не ужъ то не погибать? Нѣтъ, отойди, сатана, не слушаю твоего совѣта, не пойду на столкновеніе, пусть они остаются сами по себѣ... но она меня

презираетъ, дядя гонитъ, давать ли себя въ обиду?

Съ этимъ словомъ онъ перескочилъ плетень и исчезъ въ частомъ кустарникѣ, который росъ на заднемъ пустырѣ.

ГЛАВА VI.

Побѣгъ.

Между тѣмъ, когда происходили эти сцены, въ амбаръ къ Ѳаддею явился и Парамонычъ. На этотъ разъ онъ имѣлъ какую то особенно торжественную выразительность.

Поклонясь хозяину, онъ таинственно проговорилъ:

— Готово.

— Ладно. Ну ка, чти?

Парамонычъ усѣлся на прилавокъ, кругомъ него стали Ѳаддей и работники; послѣдніе не понимали въ чемъ дѣло. Ѳаддей было хотѣлъ ихъ отогнать, но сутяга таинственно молвилъ:

— Не трожь ихъ, Ѳаддей Терентьевичъ, да внемлютъ и они въ свое созиданіе.

Парамонычъ вытащихъ изъ за пазухи свертокъ, развернулъ его и въ рукахъ его оказалось чуть не листовъ десять мелко исписанной бумаги. Всѣ съ почтеніемъ посмотрѣли на нее и нѣкоторые даже скинули шапки, такъ великъ былъ страхъ простаго человѣка ко всякой ябедѣ.

Началось чтеніе. Въ этомъ доносѣ, между множествомъ ненужныхъ словъ и фразъ, которыя въ то время считались необходимыми для запутыванія дѣла и къ которому прибѣгали постоянно сутяги, высказывалось обвиненіе на Кузьму въ нюханьѣ табаку.

Едва работники смекнули въ чемъ дѣло, какъ въ ужасѣ хотѣли дать тягу изъ амбара; но въ это время Парамонычъ быстро соскочилъ съ своего сѣдалища, какъ кошка прыгнулъ къ дверямъ и, растопыривъ руки, крикнулъ:

— Стой Терентьичъ, не пущай ихъ!

Не понимая въ чемъ дѣло, но повинуясь ему, Ѳаддей прикрикнулъ на работниковъ. Тѣ остановились и, жмясь другъ къ другу, въ ужасѣ смотрѣли на сутягу, который въ эту минуту казался имъ страшнымъ паукомъ, а они слабыми мухами.

— Въ чемъ же дѣло, Парамонычъ? сказалъ наконецъ Ѳаддей.

— А вотъ сейчасъ услышишь.

Обратясь къ работникамъ, онъ продолжалъ.

— А вы слышали, что я челъ.

Работники было замотали головами въ знакъ отрицанія, но отъ сутяги не такъ то было легко отдѣлаться. Онъ подскочилъ къ одному изъ нихъ, схватилъ его за воротъ и грозно сказалъ:

— Рази ты ничего не слыхалъ?

— Не знаю.

— Какъ не знаю!... а ты? обратился онъ къ другому.

— Я дядюшка очень глухъ на право-то ухо, а имъ то я и стоялъ къ тебѣ.

— А ты? спросилъ онъ третьяго; но тотъ въ ужасѣ попятился назадъ и замычалъ какъ корова.

— Ѳаддей Терентьичъ, молвилъ тогда сутяга, они всѣ лгутъ; вели отвесть ихъ въ приказъ, такъ тамъ развяжутъ языки то имъ.

— Пожалуй, коли надо.

Работники повалились въ ноги и завопили въ одинъ голосъ:

— Помилуйте, не губите.

— А заговорили. Такъ вы не слышали ничего?

— Слышали!

— Что?

— Да ничаво!

— О, голубчики, такъ не отдѣлаетесь. Рази вы не слыхали что Кузьма колдуетъ и нюхаетъ табачище?

— Слыхали!

— А если слыхали, такъ и видали.

— Нѣтъ...

— Тащи ихъ въ приказъ! крикнулъ сутяга, подскакивая къ двери.

Испуганные работники крикнули:

— Видали!

Ну вотъ и дѣло, такъ и судьямъ господамъ покажите. Говорите ваши имена, я впишу въ грамоту.

Какъ приговоренные къ смерти, стали говорить свои имена, а за нихъ прикладывать руки, началъ Парамонычъ. Когда все было окончено, онъ отвелъ Ѳаддея въ сторону и тихо сказалъ:

— Ну теперь все сдѣлано; теперь пойдемъ въ воеводскую избу, да смотри, захвати, не забудь, мошну съ деньгами.

Ѳаддей мотнулъ головой и они вдвоемъ вышли!

Между работниками поднялись пересуды, начали толковать, что волей неволей втюрились къ бѣду. Въ это время показался Рощинъ:

— Братцы, вонъ Кузьма идетъ, Махнемъ ему.

— Махай!

Махнули. Вошелъ Рощинъ.

— Дяди, нѣтъ? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, Кузьма, отвѣтилъ старшій работникъ.

— А куда ушелъ?

— Нищни, твоя бяда пришла.

— Какая?

— Да вотъ его подучилъ сутяга, проклятый Парамонычъ, пожалиться на тебя.

— Въ чемъ?

— Страшно сказать.

— Небось, говори.

— Будто ты сунешь въ носъ табачное зелье.

— Пустяки.

— Анъ вотъ видно нѣтъ, Парамонычъ говоритъ, значитъ правда. Онъ намъ велѣлъ сказы-

вать, что мы видали тебя за этимъ проклятымъ дѣломъ.

— Да когда же?

— Да мы то не видали, а велѣно такъ сказывать.

— И вы скажете?

— А то нѣтъ! ишь больно ловокъ, не подставлять же стать за тебя свою спину.

Рощинъ нахмурился. Онъ понялъ, что если и оправдается, то все таки дядя не оставитъ его преслѣдовать. Немного помолчавъ, онъ сказалъ:

— Прощайте, братцы!

— Куда ты?

— А куда вѣтеръ подуетъ.

— А на кого же мы показывать то будемъ?

— На кого хотите.

— Стой, братъ! это не складно. Робята, вяжи его. Караулъ!

Ребята бросились, но Рощинъ повелъ плечами и они посыпались какъ яблоки.

Чрезъ мгновеніе онъ исчезъ въ уличныхъ поворотахъ, крикнувъ только:

— Да скажите дядѣ и Парамонычу, чтобъ помнили Кузьму!

Прошло болѣе часу, когда явился въ амбаръ Фаддей и, радостно потирая руки, сказалъ:

— Слушай, ребята, завтра позовутъ васъ къ воеводѣ, смотри, говорить то, что наказано. Завтимъ Кузькой ужъ посланы пристава... а, разбойникъ то то же я потѣшусь надъ тобой...

— Терентьичъ, сказалъ, прерывая его, стар-

шій работникъ, а тебѣ Кузьма то наказалъ одно словечко сказать.

— А рази онъ былъ безъ меня?

— Былъ.

— Чтоже онъ наказалъ?

— Чтобы ты и сутяга твой помнили его.

— Не я, а онъ вспомнитъ меня, какъ его скрутятъ.

— А гдѣ же ты яво возмешь?

— Отыщутъ.

— Отыщутъ, ишь что сказалъ! рази можно въ полѣ вѣтеръ поймать. Онъ, надо полагать, далеко отсюда пошелъ.

— А куда?

Знамо къ станичникамъ.

У Ѳаддея опустились руки и побѣлѣло лицо.

Конецъ 1-й части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА VII.

Чертовъ боръ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Волга начинаетъ принимать юго-восточное направленіе, на правой, нагорной сторонѣ ея, разросся необозримый дубовый боръ. Въ то время когда листва покрываетъ деревья, боръ становится мрачнѣ и непроходимъ. Гигантскіе дубы, одѣвшись тогда зеленой одеждой, составляютъ преграду солнечнымъ лучамъ проникнуть во внутрь, и яркіе лучи только скользятъ и разсыпаются по верхушкамъ. Но теперь, когда происходитъ дѣйствіе нашего разсказа, во время глубокой осени, онъ оголенъ, и, лишившись своей роскошной одежды, представляетъ грустную картину безсилія. На далекое пространство можно было теперь разглядѣть, сквозь нагихъ древесныхъ стволовъ, внутренность этого бора, увидать оврѣги и холмы, которые опушалъ боръ.

PAGE(S)
MISSING

PAGE(S)
MISSING

День уже клонился къ вечеру. Но на высокомъ небѣ не видать было заходившаго солнца, такъ какъ вся высь была заволочена сѣроватыми облаками, сквозь которыя моросилъ частый дождикъ, перемѣшанный съ снѣгомъ. Въ воздухѣ было холодно и холодъ еще болѣе увеличивался отъ близости широкой рѣки.

Кругомъ все было тихо; только шумъ да вой вѣтра, который завывалъ между дубами и бурлилъ поверхность рѣки, нарушалъ эту тишину. Начало темнѣть и вотъ, вдали съ верху рѣки замелькали огни и послышался какой то невнятный шумъ голосовъ. Ближе и ближе становился онъ, и сквозь начинающуюся темь можно было разсмотрѣть корпуса большихъ плоскодонныхъ лодокъ, или струговъ, какъ называли ихъ въ то время. Струги шли на веслахъ, паруса были убраны.

Поровнявшись съ боромъ, они вытянулись въ одну линію и съ первой лодки послышался грубый повелительный голосъ:

— Подчаливай! живо!

Струги одинъ за другимъ начали подчаливать къ берегу, бросать якорь, и люди выходить на землю. Первый выскочилъ на нее рослый дѣтина. Это былъ Подкова. Затѣмъ вышли и другіе разбойники, человѣкъ около полсотни.

— Темило, Кожухъ! обратился Подкова къ двумъ молодцамъ, возьмите десятокъ парней и останьтесь при лодкахъ до завтра, я пришлю ее къ полночи, а вы всѣ со мной на курены.

Онъ пошелъ впередъ и началъ взбираться по

крутому берегу въ верхъ, который почти отвѣсно опускался къ водѣ, но привычные люди не затруднялись этимъ и словно кошки карабкались за своимъ атаманомъ. Поднявшись, Подкова началъ углубляться въ чащу бора и чрезъ часъ ходьбы достигъ небольшой открытой поляны.

Середина ея была занята бревенчатой избой, срубленной изъ дубовъ, а кругомъ были разбросаны шалаши изъ прутьевъ, укрытые мохомъ. Это и былъ курень Подковы.

— Ну, ребята, готовьте ужинъ, проговорилъ Подкова, и черезъ мигъ запылали костры; на нихъ начали готовиться въ котелкахъ варево. Кто варилъ уху, кто кашицу, кто поджаривалъ на вертелахъ говядину, разрѣзанную на небольшіе куски.

Другіе изъ разбойниковъ начали снимать съ себя оружіе и убирать его въ шалаши, а изъ атаманской избы вынесли два боченка водки и пива. При свѣтѣ пылающихъ костровъ, видъ этихъ людей былъ самый разнообразный. Тутъ виднѣлся и русскій, и скулистый татаринъ, и калмыкъ и черномазый цыганъ. Одежда на нихъ представляла смѣсь нищеты съ богатствомъ, но отличалась большой неряшливостью. На иномъ былъ грязный оборванный полушубокъ опоясанный дорогой персидской шалью, на другомъ виднѣлась шелковая рубаха, отороченная золотымъ галуномъ, но вся пропитанная дегтемъ. Кто былъ обутъ въ онучи, кто въ кожаные сапоги или въ валеные.

Вскорѣ вокругъ котловъ раздались веселые и шумливые голоса. Подкова, въ кругу прочихъ, сидѣлъ около одного изъ нихъ. Когда былъ утоленъ голодъ и круговая чарка обошла всѣхъ, онъ сказалъ, утирая усы и бороду:

— Ну, молодцы, приходитъ время и расходиться намъ до будущей встрѣчи.

— А когда, Подкова, ты думаешь пить прощальную чашу съ нами? спросилъ одинъ изъ разбойниковъ, съ посѣдѣвшей головой и бородой.

— Да думаю еще съ недѣлю, другую здѣсь простоять, а тамъ и въ разбродъ. Ишь, ужъ скоро путина по нашей матушкѣ Волгѣ кормилицѣ встанетъ, такъ намъ и нечего больше дѣлать здѣсь.

— А что, атаманъ, пожалуй не мало достанется каждому, какъ будемъ въ остальный разъ дѣлить добычу? продолжалъ тотъ же разбойникъ.

Подкова самодовольно покрутилъ усы и молвилъ:

— Придется не мало, не стыдно будетъ показаться въ родныхъ куреняхъ на Дону, и я думаю, что на ползимы хватитъ каждому добра на прогулъ и хмѣльное вино.

Направленіе этой рѣчи сообщилось и другимъ. Всѣ заговорили о скоромъ раставаньи и расходѣ въ разныя стороны.

— Я, слышалось въ иномъ кружкѣ, ужъ больше, пріятели, не увижусь съ вами.

— Что такъ? спрашивали его.

— Думаю остепениться.

— Въ монахи что ли задумалъ?

— Въ монахи, не въ монахи, а пора остепениться. Слава Богу, собралъ я тамъ за эти года достаточекъ; больше не хочу быть станичникомъ, я уѣду въ какой нибудь дальній городъ, женюсь и заведу торговлю и свой домокъ. Буду честно жить.

Въ старину подобные случаи были не рѣдки и бывшій прежде разбойникъ, счастливо избѣгнувшій поимки, разжившійся, уходилъ наконецъ изъ шайки грабителей, мѣнялъ свое имя, поселялся въ какомъ нибудь городѣ и заводилъ свою торговлю.

Въ другихъ кружкахъ слышались сожалѣнія, что пришло время расходиться.

— Не знаю, говорилъ иной, какъ перебьюсь эту зиму.

— А что?

— Да то, что у меня такой норовъ, что какъ есть что нибудь, все мигомъ спущу, а тамъ голодай.

— Да ты остерегись.

— Не могу, говорятъ тебѣ.

— Пожалуй и я таковъ, но объ эвтомъ не тужу, пропью деньги, тамъ пойду по селамъ и городамъ Христовымъ именемъ побираться. Подвяжу котомку, да стану говорить, что я странный человѣкъ отъ святыхъ мѣстъ.....

Раздался общій смѣхъ, но новоизобрѣтенный странный человѣкъ продолжалъ:

— А что вы смѣетесь, да этакимъ маперомъ я не одну зиму пробавляюсь. Вездѣ, куда не

придешь, тебя принимаютъ съ честью, накормятъ и напоятъ; да и серебряную копѣйку кто нибудь дастъ.

— А трудно это странствіе, Бирюкъ?

— Ничуть. Знай только умильную рожу скорчить да ври и мели, что въ голову пришло, вотъ и все. Хотите, я разскажу вамъ, какъ я это странствовалъ позапрошлой зимой?

— Говори! говори! закричали голоса.

Бирюкъ откашлянулся, утерся и началъ:

— „Какъ это начало по матушкѣ Волгѣ рѣченкѣ показываться сало-ледъ, такъ начало наше товарищество прощаться и расходиться. Я въ тѣ поры былъ у атамана Ластовика, помяни Богъ его душу; добрый и удалый былъ витязь, только на тотъ годъ мало было тамъ удачи и больше приходилось намъ укрываться и утекать отъ царевыхъ стрѣльцовъ, чѣмъ съ торгашей-измѣнниковъ подать собирать. На раздѣлѣ мнѣ досталась бездѣлица, которую я спустилъ очень скоро. Остался голъ какъ соколъ, въ одномъ почитай понитишкѣ, потому что полушубокъ пропилъ въ кружалѣ, подъ Казанью. Настали холода. Надо было одѣться и обуться. Вотъ я и смѣкаю себѣ: близь татары немного будетъ, пущусь-ка я по Окѣ рѣкѣ. Сказано, сдѣлано. Пошелъ Христовымъ именемъ побираться по тѣмъ мѣстамъ. Однако такъ шелъ и бродилъ я не долго; разъ подъ вечеръ наткнулся я на партію слѣпыхъ и хромыхъ. Разгутарился съ ними; они и говорятъ мнѣ:

— „Милый человѣкъ иди въ нашъ кошъ“.

— Да что мнѣ дѣлать съ вами? спрашиваю.

— Что, говорятъ, будемъ сборъ собирать, по праздникамъ дѣлить его, въ государевыхъ кружалахъ пить и веселиться. И одѣнешься, говорятъ, и сытъ будешь по горлышко.

— Поглядѣлъ я на нихъ: парни хоть и убогіе, но здоровые; подумалъ, что значитъ имъ живется хорошо, а главное никогда не ходилъ еще въ слѣпцахъ, а потому молвилъ:

— Ладно, идти бы я пошелъ къ вамъ, да какъ сдѣлаюсь слѣпъ и хромъ, когда вижу за версту муху, а здоровъ на ноги такъ, что не ототану и отъ сильнаго коня.

— Пустое, говорятъ калѣки, мы те научимъ.

— Ну, хорошо, говорю, и вотъ меня приняли въ кошъ. Научила это меня братія притворяться безъ рукъ, да такъ ловко, что никто и не замѣчалъ моихъ дюжихъ лапъ; прятали я это ихъ подъ понитокъ и снаружи не было видно ничего. Сначала мнѣ ходьба съ ними пришла по сердцу. Это, братцы, какъ подступитъ бывало праздникъ, мы всѣ убогіе пріодѣнемся, приберемся, да шархъ къ церквамъ. Сядемъ, предъ собой поставимъ чашки и начнемъ тянуть *Лазаря*. Выходятъ люди православные, до нищей братіи сердобольные, ежалятся надъ бѣдностью и начнутъ одѣлить копѣечками, кто калачами, а кто пирогами. Иной позоветъ всю братію къ себѣ и начнетъ кормить да ухаживать. Бывало наберемъ рублевъ до пяти въ иной день и къ вечеру

всѣ въ кружало (*) и учнемъ мѣнять денежки на пѣнникъ да хмѣльное пиво, а тамъ порасплотимся и пойдемъ во что гораздъ каждый: кто въ плясъ, кто пѣсню играетъ, и гамъ и шумъ кругомъ стоятъ, не хуже какъ это бываетъ у насъ, у станичниковъ, когда развеселимся. Но вскорѣ жизнь мнѣ съ ними опостылѣла, захотѣлось отдохнуть и успокоиться до весны гдѣ нибудь на одномъ мѣстѣ. Вотъ и думалъ я пуститься въ странные люди, благо понаслышался да понаучился у братіи разныхъ разсказовъ о святыхъ мѣстахъ. Хорошо. Сколотился я это деньженками, купилъ пелигримскую котомочку, черноряску набойковую, шапочку бѣлчью, обрядился въ новую одежду и пошелъ одинъ въ путь дорожку. И добрался, братцы, почитай до самой Рязани. Тутъ случился въ селѣ праздникъ, никакъ Николинъ день былъ. Я пошелъ къ храму и сталъ на паперти. Кончилось служеніе и изъ церкви посыпалъ народъ. Гляжу, подходитъ ко мнѣ одна старуха, тамошняя боярыня, съ дочкой, засидѣвшейся въ старыхъ дѣвкахъ. Подошла это она, осмотрѣла и говоритъ:

— Ты откедова, странный человѣкъ?

„Не долго думая, я прямо и брякнулъ:

— Изъ Іерусалима, раба Божія.

„Какъ услышала это барыня, такъ и ахнула.

— Странный человѣкъ, сказала она, я очень люблю молельщиковъ, ни разу не видала еще

(*) Кабакъ.

странника отъ такого дальняго пути. Пойдемъ, говорятъ, побесѣдуемъ со мною.

„Ладно. Пошли. Увидала женщина барыня на скамеечку, приказала посмотреть передо мной и меду и печенья, и соленья и варенья, начала подмигивать да распрашивать о Іерусалимѣ-градѣ. Сказываю да и тебѣ, я такъ, вѣдаешь, никогда не бывалъ, но видавалъ себя не сифовало и нечего я, что слыхалъ отъ слѣпцовъ да видывалъ самъ, дѣвкамъ перемѣшивалъ. Плакалъ былъ съ любовницей. И что тогда только въ бѣшуму мое дѣло, смѣхъ. Говорю у града Іерусалима течетъ рѣка Іорданъ, съ водою водою, а по берегу растутъ древа съ манной небесной, и разное такое наболталъ, что теперь и не вздумаешь. Понравился я барыню больно, барынь и упросила она остаться у нея погостить, пока не соскучуся. Это было на руку мнѣ. Я согласился. Вотъ теперь, братцы, и начинается исторія какъ странному человѣку мнѣ довольно было всюду ходить, я пользовался этимъ и все посматривалъ и выглядѣлъ, чтобъ на скучья не усталъ сбѣгнутыми руками. Проходитъ какъ-нибудь мѣсяцъ, другой въ весѣ. Выйду я, бывало, на дворъ въ воздухъ, то тамъ тучка, то тамъ, пруды, пруды, пруды, все теперь больше и больше вспоминалъся Волга матушка, ея быстрыя волнушки да знакомые добрые товарищи, жизнь молодецкая, разгульная. Горь, думаю, то-то дѣвки пустились. Прошло еще съ недѣлку въ одну темную ночь, когда мы хоронились всѣ

заснули, я перерѣзалъ сонныхъ, повынулъ у боярыни сундучекъ съ корабельниками, засунулъ за пазуху янову съ пѣвникомъ да кусъ пирога съ жареными гусями, свелъ со двора добраго коньа, вскочилъ, махнулъ — и поминай меня, какъ звали, прямо за Оку, да въ широкіе луга. Недѣльки черезъ три я ужъ былъ здѣсь, въ чертовомъ бору, и сошелся съ атаманомъ Подковой".

Онъ остановился. Между станичниками поднялся смѣхъ надъ его продѣлкой. Одинъ изъ нихъ, обратясь къ нему, сказалъ:

— Бирюкъ, а что же сдѣлалось съ боярыней то, когда ты бралъ у нея сундучекъ, вѣдь думаю онъ въ головахъ у ней стоялъ?

— Это вѣрно. Сердешная, какъ я ее окручивалъ, она было обмерла, но какъ услыхала, что брякнули денежки, то прикинула было благимъ матомъ; однако унялась, когда я пригрозилъ ей ножемъ. Послѣ этого сдѣлалась словно мертвая, едвали, почитай, не встала потомъ на ноги.

И всякій по своему разсуждалъ и гадалъ, какъ пробиться, какъ промаяться долгое время зимнее, студеное, холодное. Тутъ кстати замѣтимъ, что шайки нашихъ станичниковъ никогда не составляли правильнаго, организованнаго общества, какъ это повѣствуется и разсказывается на разныя лады въ повѣстяхъ и романахъ. Просто не просто эти бездомовные, полудикіе люди собирались въ одно сборище случайно, проводили извѣстное время вмѣстѣ, подъ предводительствомъ

человѣка болѣе отважнаго, смѣлаго и рѣшительнаго, а потомъ расходились въ разныя стороны, въ одиночку проводили свое тяжелое время, шатаясь и шляясь то тамъ и сямъ; многіе изъ нихъ поживались на мѣста, иные гибли въ снѣжныхъ лѣсахъ, другіе успѣвали провесть счастливо черные дни, ради стариннаго русскаго добродушія и исконнаго простосердечія и довѣрчивости, приходили на берега Волги и вновь собирались въ затаги; иные находили прежнихъ товарищей по ремеслу, другіе шли на грабежъ съ новыми товарищами и подъ начальствомъ новыхъ атамановъ. Но общее правило было такое: отыскивать себѣ предводителя, имя котораго было уже извѣстно и который особенно былъ счастливъ въ грабежѣ. У такихъ атамановъ и шайки, самособою разумѣется, были больше.

Въ то время, когда станичники разсуждали между собой, съ той стороны, гдѣ были причалены струги, раздался громкій сигнальный свистъ.

Услыша его, всѣ встрепенулись.

Подкова поднялся съ обрубка, на которомъ сидѣлъ и началъ прислушиваться. Свистокъ снова повторился.

Что за чертъ, молвилъ атаманъ, какъ это они разсыпались такъ: неужели кто-нибудь на примѣтили?

Врешь ты, атаманъ, сказалъ сѣдой станичникъ: нашей дороги тамъ нѣтъ, а на водѣ врешь кого хватишь теперь. Посмотри, какая тень и вѣтеръ, кто пускается теперь со стругомъ по

волгъ, да этого, сколько я теперь не запомню, никогда не было.

— Но не даромъ же даютъ тревогу.

— А можетъ такъ себѣ, дурачатся.

Подковы сверкнули глаза. Онъ сжалъ свою дюжую ладонь въ кулакъ и сурово сказалъ.

— Когда мы при дѣлѣ, я не допускаю никакихъ дурачествъ, и если это правда, то свистунъ отвѣтитъ за это своими боками.

Пока происходилъ этотъ разговоръ, въ отдаленныхъ кружкахъ станичниковъ послышались крики и гнѣвные возгласы. Одни кричали:

— Какъ, бить нашихъ!—на осину его!

Другіе шумѣли.

— Къ атаману ведите его, онъ разберетъ дѣло.

— Это лазутчикъ, орали третьи. Раздѣлаемся по свойски съ нимъ—въ огонь, пусть жарится.

— Къ атаману! къ атаману! слышалось громче всего.

Но Подкова уже шелъ самъ къ мѣсту шума. При видѣ его, толпа разступилась. Человѣкъ пять станичниковъ съ подбитыми глазами, изорванными полушубками, одни изъ тѣхъ, которыхъ Подкова оставилъ на сторожѣ при стругахъ, стояли вокругъ человѣка, руки и ноги котораго были крѣпко скручены и онъ самъ лежалъ на мерзлой землѣ, дико и грозно поводя вокругъ себя глазами. Не обращая на него вниманія, Подкова спросилъ одного изъ пришедшихъ станичниковъ.

— Что такое случилось, Карась?

— Да вотъ, атаманъ, случилась оказія, отвѣчалъ Карась.

— Какая?

— Когда ты оставилъ насъ и ушелъ, половина улеглась спать, а остальные товарищи притаились и начали сторожить. Вотъ глядитъ Павелъ Кожухъ и видитъ, что по берегу тихо крадется вотъ этотъ человѣкъ и началъ карабкаться въ гору, прямо у того мѣста, гдѣ наша тропа. „Что за штука?" мыслитъ Кожухъ, всѣ наши въ куренѣ, никто не отставалъ днемъ, такъ что же это за парень? Подумалъ и окликнулъ парня. Онъ, собачій сынъ, не обратилъ на это никакого вниманія и продолжаетъ взбираться. Кожухъ смекнулъ, что тутъ что нибудь да не такъ, позабѣжалъ поскорѣе впередъ, да и столкнулъ внизъ парня, крикнувъ намъ: „подберите". Мы было бросились къ нему, но онъ успѣлъ ужъ стать на ноги, да какъ пошелъ размахивать своими лапищами, то тотъ, то другой такъ мордой и бороздитъ песокъ. Мы кликнули подмогу и гурьбой пошли на медвѣдя, эдакой силищи еще я ни у кого не видывалъ, но онъ словно пень какой стоитъ, не пошатнется, а мы только кувыркаемся. Едвали бы мы одолѣли это чудище, колибъ Кожухъ не догадался да не хватилъ его по боку кистенемъ. Ну, тогда и онъ покатился на песокъ: одначе хотѣлъ было опять приподняться; да мы навалились на него и скрутили. Вотъ какой охальникъ; это, атаманъ, какъ мы всѣ думали, никто другой,

какъ лазутчикъ воеводскій; ужъ давно они рыскаютъ открыть наши курени.

Подкова теперь взглянулъ на связаннаго человѣка, разсказъ о которомъ сильно заинтересовалъ его и лишь только увидалъ его, какъ радостно вскрикнулъ:

— Ба! старый знакомый, вѣдь это ты, Кузьма?

Кузьма Рощинъ, — это былъ онъ — въ свою очередь посмотрѣлъ на Подкову и весело сказалъ:

— Я, вели развязать меня.

— Долой веревки, живо! закричалъ Подкова и самъ бросился развязывать, приговаривая: и какъ я съ перваго разу не узналъ тебя. Да, молодцы, обратился онъ къ станичникамъ, которые въ удивленіи посматривали на перемѣну сцены, этотъ парень одолѣлъ и меня, это богатырь и удалецъ первой руки.

Рощинъ былъ развязанъ. Онъ всталъ на ноги и съ наслажденіемъ сталъ расправлять члены.

— Ты какъ сюда забрелъ, товарищъ? спросилъ его Подкова.

— Къ тебѣ шелъ. Мнѣ Оляшъ разсказалъ путь и гдѣ тебя найдти можно.

— Что же ты не сказался нашимъ?

— Я не зналъ, что они станичники, и принялъ за бурлаковъ... ну ужъ, чортъ возьми, намнуть бока тому предателю, который кистенемъ ударилъ меня.

Подкова засмѣялся и проговорилъ:

— Ну ужъ ты прости его, иначе и не уло-

жить бы было тебя дюжинѣ. Пойдемъ-ка къ моей хатѣ, тамъ поужинаешь, чай проголодался?

— Да, что то щемитъ въ животѣ.

— Такъ пойдемъ же!

Пріятели пошли къ куреню.

— Горѣлки, подавай уху, кашу, ухальца принимаю и угощаю! кричалъ Подкова.

За ужиномъ Подкова спросилъ Рощина:

— Какъ же это ты удумалъ ко мнѣ придти?

— Житья дома отъ дяди не стало, хотѣлъ меня засадить. да я во время провѣдалъ объ этомъ и далъ тягу.

— Жаль что позднее теперь время; но на зиму мы уйдемъ съ тобой, Кузьма, на Донъ; прости, а я теперь съ тобой не разстанусь, пришелся ты больно по душѣ мнѣ.

— А что же на Дону?

— На Дону? Эхъ, простота, не знаешь какая веселая да удалая жизнь тамъ...

— А я было хотѣлъ тебя просить о другомъ.

— О чемъ?

— Да отплатить съ лихвой дядѣ.

— Не время, не время Кузьма; а впрочемъ, подумаю, утро мудренѣе вечера. Пойдемъ въ курень сонной. Прощайте товарищи. Не забудь, Топоръ, обратился онъ къ сѣдому станичнику, послать къ полночи смѣну.

— Ладно, атаманъ.

Послѣдній и Кузьма Рощинъ пошли въ избу.

Въ это время огни въ кострахъ уже догорали, иные только тлѣлись. Станичники начали расхо-

диться по шалашамъ, и на поляне, за минуту до сей поры шумной, наступила мертвая тишина. Только по лѣсу сильнѣе вѣтеръ вылъ и небо сильнѣе заволакивалось тучами, разрѣшившимся проливнымъ дождемъ, который насквозь проходилъ въ шалаши. Но люди не обращали на это вниманія. Привыкшіе ко всякимъ воздушнымъ перемѣнамъ, они только крѣпче кутались въ свои кожухи и плотнѣе жались другъ къ другу.

ГЛАВА IX.

Розыски.

Еще не разсвѣтало, какъ уже въ хатѣ Подковы горѣла дымная лучина, тускло освѣщая внутренность и двухъ пріятелей, лежащихъ на разостланномъ на полу войлокѣ уже проснувшихся и разговаривающихъ между собой

Изба, въ которой они находились, не отличалась ничѣмъ отъ обыкновенныхъ курныхъ русскихъ хатъ. Въ ней была та же дымная печь, тѣ же лавки какъ и въ прочихъ; но стѣны ея были завѣшены разнаго рода оружіемъ: тутъ виднѣлись и пищали, и луки, и ножи, и пики, и тистени, а углы были заняты огромными кулями въ которыхъ хранилось награбленное добро.

— Ну, Кузьма, говорилъ Подкова; ты не уду-

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

диться по шалашамъ, и на поляхъ, на минуту ко сей поры шумной, наступила мертвая тишина. Только по лѣсу сильнѣе вѣтеръ вылъ и небо сильнѣе заволакивалось тучами, разрѣшившимися проливнымъ дождемъ, который насквозь проходилъ въ шалаши. Но люди не обращали на это вниманія. Привыкшіе ко всякимъ воздушнымъ перемѣнамъ, они только крѣпче кутались въ свои кожухи и плотнѣе жались другъ къ другу.

ГЛАВА IX.

Розыски.

Еще не разсвѣтало, какъ уже въ хатѣ Подкови горѣла дымная лучина, тускло освѣщая внутренность и двухъ пріятелей, лежащихъ на разостланномъ на полу войлокѣ уже проснувшихся и разговаривающихъ между собой

Изба, въ которой они находились, не отличалась ничѣмъ отъ обыкновенныхъ курныхъ русскихъ хатъ. Въ ней была та же дымная печь, тѣ же лавки какъ и въ прочихъ; но стѣны ея были завѣшены разнаго рода оружіемъ: тутъ виднѣлись и пищали, и луки, и ножи, и пики, и тистени, а углы были заняты огромными кулями въ которыхъ хранилось награбленное добро.

— Ну, Кузьма, говорилъ Подкова; ты не уду-

малъ ничего за ночь и не хочешь отказаться отъ мести—платежа дядѣ?

— Нѣтъ.

— Плохо.

— Чѣмъ?

— Нече говорить, обида твоя велика, трудно стерпѣть, но вотъ что я молвлю: Будь врагъ твой посторонній человѣкъ, такъ никакого не было бы грѣха уходить его, но въ томъ то и бѣда теперь чтъ онъ твой дядя, былъ вмѣсто отца роднаго, двойной грѣхъ подымать на него руку; иное дѣло сутяга, такъ съ нимъ расправа будетъ коротка.

Во все время Рощинъ пристально глядѣлъ на Подкову, не перебивая его и взвѣшивалъ каждое его слово.

— А думалъ онъ: вотъ какъ говоритъ станичникъ, значитъ и у него есть своя совѣсть, не мсти, но какъ мнѣ быть, когда я не могу пересилить себя. Чтожъ такое что Ѳаддей вскормилъ меня, но за то теперь онъ отнялъ у меня все и сдѣлалъ по вѣкъ несчастнымъ человѣкомъ.

— Такъ ты не хочешь помогать мнѣ, Подкова, наконецъ проговорилъ онъ вслухъ.

— Я не про это говорю, Кузьма, продолжалъ Подкова: пріятелю всегда помогу, пока живъ, да веду къ тому рѣчь, что тебѣ то не слѣдъ этого; онъ родня тебѣ, а мнѣ что твой Ѳаддей, чужой человѣкъ. Правда, что я не вѣдаю его и онъ мнѣ никакого худа не сотворилъ, такъ поэтому не слѣдовало бы было идти на него, но почему и нѣтъ, если онъ дѣлалъ вредъ кровный моему побратиму.

Одначе вотъ что скажи еще, что же ты хочешь сдѣлать съ нимъ?

— Тоже, что и онъ со мной, въ разоръ разорить.

— Хорошо, ну, а Мареа-то какъ же?

Рощинъ вздрогнулъ. Замышляя свою месть противъ Ѳаддея, онъ относительно Мареы имѣлъ самыя неопредѣленныя намѣренія; теперь пришлось ему подумать о нихъ прямо. Еще онъ ничего не могъ сказать объ этомъ, какъ Подкова продолжалъ:

— Вотъ видишь ли ты, о ней-то и забылъ. За что она бѣдная будетъ маяться съ Ѳаддеемъ, она то при чемъ тутъ?

— Подкова! вмѣсто отвѣта медленно проговорилъ Кузьма!

— Что, пріятель?

— Не давно ты говорилъ что хочешь уходить на Донъ и звалъ меня.

— Вѣрно.

— Такъ вотъ что, я иду туда съ тобой и уведу съ собой и Мареу.

— А захочетъ ли она?

— Волей неволей, а я это сдѣлаю.

Подкова приподнялся на локтѣ, пристально взглянулъ въ глаза Рощину, у котораго свѣтилась какая-то дикая и отчаянная рѣшимость, и проговорилъ:

— Одумайся Кузьма.

— Я ужъ все удумалъ.

— Ну коли такъ, такъ быть по твоему, я помогаю тебѣ, но твоего грѣха не беру на свою

душу. Скажу одно хоть я и вольный станичникъ, но имѣю свою думу и совѣсть: твое дѣло и твой грѣхъ.

— Спасибо, Подкова, я этого николи не забуду.

Послѣдній ничего не отвѣчалъ и въ избѣ наступило молчаніе. Извнѣ начали слышаться грубые голоса просыпавшихся станичниковъ, на мокрой землѣ начали раскладывать костры изъ сухаго хвороста и разводить огни.

— Ну, проснулись и наши, сказалъ, вставая, Подкова: такъ когда же Кузьма, ты думаешь приниматься за дѣло.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Ладно. По мнѣ пожалуй, хоть и нынче въ путь, еще съ недѣльку пробьемся тутъ, тамъ и на расходъ. Пойдемъ.

Онъ и Кузьма вышли.

Сатичники, плотно прижимаясь другъ къ другу, тѣснились около огней, потягивая изъ чарокъ пѣнникъ. Подойдя къ нимъ, Подкова сказалъ:

— Гвоздь, отбери молодцовъ съ пятокъ, нынче пойдемъ со мной въ путь; а ты, обратился онъ къ сѣдому станичнику, останься здѣсь вмѣсто меня, я вернусь скоро, какъ разъ къ разставанью. Смотри только, безъ меня пока не заходить никуда далеко, теперь едва ли что увидишь на нашей матушкѣ Волгѣ, а если и случится какой нибудь расчмыѣ запоздалой плыть, такъ противъ нашего куреня не минуетъ и сидя дома можно дань собрать.

Всѣ слышали распоряженіе Подковы и ни одинъ

въ станичниковъ не возразилъ ни одного слова. Между ними существовало полное повиновеніе къ атаману и совершенное довѣріе къ его дѣйствіямъ.

Въ полдняхъ отъ Чертова бора отчалила шестивесельная лодка въ которой поплылъ Подкова съ Кузьмой и товарищами вверхъ по рѣкѣ. Изъ весьми человѣкъ, по распоряженію атамана, трое должны были поочередно тянуть бичеву, остальные помогать греблей. Но оставимъ ихъ пока на однообразной дорогѣ и посмотримъ, что дѣлаютъ другія дѣйствующія лица нашего разсказа.

Первыя минуты по уходѣ Кузьмы, Ѳаддей былъ сильно пораженъ. Невозможность засадить племянника и натѣшиться вдоволь надъ нимъ приводили старика въ гнѣвъ; но потомъ онъ началъ смѣнять-ся какимъ то неопредѣленнымъ страхомъ и тайнымъ предчувствіемъ бѣды; еще онъ находился подъ вліяніемъ волновавшихъ его чувствъ, когда въ дверяхъ амбара показалось лоснящееся лицо сутяги.

— Вотъ и я, Ѳаддей Терентьичъ, молвилъ онъ, дѣло наше въ шляпѣ, все сдѣлано и слѣдуетъ только теперь дополучить отъ тебя остальное.

— Какъ бы не такъ, угрюмо промолвилъ Ѳаддей.

— Какъ такъ?

— Да такъ, вѣдь Кузьма-то далъ тягу.

Сутягу ударилъ себя въ лобъ и воскликнулъ:

— Рази онъ что проѣдалъ?

— Стало быть такъ.

— Эхъ ма?... но, сутяга немного призадумался и потомъ продолжалъ: не тужи, Ѳадей Терентьичъ,

это еще не такъ велика бѣда, какъ ты думаешь; время теперь студное да голодъ не свой братъ, ему негдѣ будетъ шляться по лугамъ да лѣсамъ какъ въ лѣтнее время, по неволѣ вернется назадъ, а тутъ его и подтябримъ мы.

Вразумительная рѣчь сутяги нѣсколько успокоила Ѳадея и разогнала безпокойныя мысли старика.

Между тѣмъ сутяга продолжалъ:

— Ѳадей Терентьичъ, я вотъ что скажу: положись на меня и не пройдетъ недѣли какъ словлю я Кузьму.

— Ладно, ладно, вѣрю тебѣ Парамонычъ, ужъ не оставь меня только.

— Сказано, что нѣтъ, и его рука сдѣлала просительный знакъ.

Старикъ его понялъ и, вздохнувъ, вынулъ изъ-за пазухи мошну, изъ нея серебряную монету и сунулъ сутягѣ, протоворя:

— А остальныя опосля, когда все будетъ слажено.

Проворно спрятавъ монету, сутяга сказалъ:

— Ѳадей Терентьичъ, оно конечно, какъ по уговору, такъ твоя правда, все сполна по концѣ дѣла; но вотъ видишь ли что: такъ какъ Кузьма пока ушелъ и его надо будетъ сослѣдить, то и расходы потребуются новые, такъ надо бы добавить.

Ѳадей Терентьичъ вытаращилъ глаза и въ его умѣ промелькнула мысль.

— Вотъ тебѣ на, неужъ-то мало того, что сговорено было? Ахъ, охъ, вотъ тебѣ и наука,

поди теперь раскошеливайся опять, а дѣлать нечего, дѣло затянуто и нужно его доканчивать, не то, пожалуй потеряешь и то, что затрачено.

Кряхтя и охая, онъ проговорилъ велухъ:

— Сколько же нужно?

— Да для тебя, какъ я уважаю тебя, да за твою ласку и любовь еще надо бы дополучить съ тебя столько, сколько назначено было по уговору.

Ѳадей закрылъ глаза и отчаянно замахалъ руками и головой. Сутяга хладнокровно продолжалъ:

— Вѣдь вотъ вы все такъ, для васъ работай изъ пустиковъ, а вамъ и малой толики жаль дать за заслугу...

— Парамонычъ, въ какомъ то отчаяніи воскликнулъ Ѳадей: возьми хоша половину!

— Дѣло трудновато, я допрашиваю съ тебя по христіански.

— Будь другъ...

— И не говори, не могу, не вѣришь мнѣ, спроси кого хочешь, а дѣло не дешевое.

И долго въ такомъ родѣ продолжался между ними разговоръ, въ которомъ сутяга, между прочимъ, представлялъ Ѳадею и то, что если онъ теперь и тратится, то получаетъ за все съ лихвой, что онъ де устоитъ такъ, что изъ имущества, принадлежащаго Рощину, послѣдній не получитъ ничего, оно цѣликомъ перейдетъ въ руки Ѳадея; кромѣ того, что племянникъ будетъ скрученъ по рукамъ и ногамъ. Ѳадей долго отнѣкивался, но убѣдительная рѣчь сутяги взяла свое и онъ, скрѣпя сердце, покорился своей участи.

Во всякое время и всегда случается такъ, что если человѣкъ начинаетъ неправильное дѣло и по незнанію долженъ обратиться къ лицу болѣе его свѣдующему, то онъ невольно подпадаетъ подъ его вліяніе и поступаетъ, или, лучше сказать, пишетъ по его дудкѣ, до тѣхъ поръ, пока дѣлецъ находитъ это нужнымъ и выгоднымъ для себя, или пока не облегчитъ его карманъ. Такъ точно случилось и съ Ѳадеемъ; онъ запутался въ уловкахъ сутяги.

Оставя старика, сутяга, не заходя домой, прошелъ прямо къ дьяку сыскнаго приказа. Онъ его засталъ въ сыскной избѣ за кучей дѣлъ, которыя онъ разбиралъ. Сутяга терпѣливо дождался своей очереди, подошелъ къ дьяку, низко поклонился и, держась за пазуху, именно около того мѣста, гдѣ по обыкновенію въ то время находился кошель съ деньгами, смиренно проговорилъ:

— Да живетъ Климъ Климычъ на многія лѣта съ дѣтьми и домочадцами.

Дьякъ покосился на дѣльца, увидалъ его скоровку и ласково отвѣчалъ:

— Что надыть тебѣ, Парамонычъ?

— Казусъ такой, что надо молвить твоей милости наедине.

— Хорошо. Иди за мной.

— Дьякъ провелъ просителя въ небольшую комнату, тускло освѣщаемую слюдовымъ стекломъ, грязную, въ которой у стѣны была придѣлана трехногая кровать и стоялъ столъ, гдѣ находилась чарка съ пивомъ и остатки жареной говядины съ лукомъ.

— Ну, говори, молвилъ дьякъ, остановясь и пристально поглядывая на сутягу.

Послѣдній досталъ кошель, высыпалъ на ладонь нѣсколько мѣдныхъ алтынъ и, подавая дьяку, отвѣчалъ:

— Прими и не обезсудь на малости.

— Спасибо; но говори, что за дѣло.

— Самое простое, Климъ Климычъ; соблаговоли дать мнѣ трехъ земскихъ ярыжекъ для помощи.

— Какой?

Сутяга объяснилъ, присовокупивъ что Кузьму непремѣнно, для обоюдной вогоды слѣдуетъ поймать и что по его соображеніямъ бѣглецъ гдѣ нибудь въ городѣ укрывается и словить его очень легко.

Дьякъ спокойно выслушалъ всю рѣчь сутяги, считая данное ему приношеніе и, удовлетворясь имъ, далъ слово, что нарядитъ для розыска ярыжекъ, и по утру пришлетъ къ Парамонычу.

Къ утру дѣйствительно къ сутягѣ явились земскіе ярыжки. Эти люди въ то время составляли родъ сыскной полиціи и для того времени исполняли свое дѣло довольно ловко и удачно. Вмѣстѣ съ ними сутяга принялся за розыски по всѣмъ тогдашнимъ закоулкамъ, но само собою они остались напрасными; бѣглецъ не отыскивался и не объявлялся, канулъ словно въ воду.

Однако Парамонычъ не унывалъ, продолжалъ дѣло съ настойчивостью и отчасти успѣлъ напасть на слѣдъ Кузьмы. Изъ распросовъ онъ узналъ, что послѣдній разъ его видѣли, какъ онъ прошелъ на

дворъ Омляша. Для дѣльца и этого было довольно. Онъ сталъ бродить около дома въ надеждѣ увидать наконецъ предметъ своихъ преслѣдованій, однако изъ всего чего могъ онъ допытаться, узналъ одно: что Рощинъ дѣйствительно скрылся въ этомъ мѣстѣ и потомъ никто не видалъ его когда и куда онъ вышелъ.

Такъ прошло довольно долгое время.

ГЛАВА X.

Предатель.

А между тѣмъ предметъ розысковъ уже былъ не далеко и самъ шелъ на встрѣчу врагу. Подкова съ товарищами, не доѣзжая до Казани, остановился отъ нея въ нѣсколькихъ верстахъ и вышелъ на берегъ въ одной деревнѣ, расположенной на берегу рѣки.

Была темная ночь, когда они пробрались въ слободу и, не обращая вниманія на то, что по тогдашнему обыкновенію улицы были заперты рогатками, пробрались къ дому Омляша. Подкова постучалъ въ калитку три раза. На стукъ раздался громкій лай собакъ и на улицу высунулась огромная татарская голова. Сквозь темь она внимательно посмотрѣла на пришлецовъ и молча впустила ихъ по одиночкѣ на дворъ, потомъ на

полуизломанномъ русскомъ языкѣ тихо сказалъ, обращаясь къ Подковѣ:

— Бачка атаманъ, это ты?

— Я.

— Съ товаромъ что ли пришелъ?

— Нѣтъ, другое есть дѣло. Убирай насъ скорѣе.

— Ладно, бачка, идемъ.

Татаринъ, это былъ самъ Омляшъ, пошелъ впередъ. Изба, въ которую всѣ вошли, была устроена иначе, чѣмъ русская, окна не выходили наружу, но были обращены на внутренній дворъ расположенный четвероугольникомъ и вокругъ котораго были выстроены помѣщенія, занимаемыя самимъ хозяиномъ и работниками, а другія комнаты назначались для женъ Омляша и другой женской прислуги.

— Хозяинъ, сказалъ Подкова, располагаясь съ товарищами вокругъ очага, на которомъ горѣлъ огонекъ: вотъ и я пришелъ къ тебѣ въ гости.

— Милости просимъ, бачка.

Татаринъ хлопнулъ въ ладоши и на зовъ его взошелъ работникъ. Онъ сказалъ ему что то по-татарски, тотъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ большой чашкой кумыса. Омляшъ началъ имъ подчивать гостей. Во время угощенія онъ не спускалъ глазъ съ Кузьмы, потомъ, обратясь къ Подковѣ, онъ сказалъ:

— Худое время, бачка.

— Да, зима подходитъ.

— Я не о томъ говорю.

— О чемъ же?

— А вотъ о немъ, и онъ указалъ на Рощина.

— Это почему?

— Бачка — татаринъ еще понизилъ голосъ и продолжалъ:

— Его ищутъ.

— А ты почему знаешь?

— Третьевость приходили по мнѣ и распрашивали, вчера призывали къ воеводѣ.

— Ого!

— У, какой онъ сердитый, строгъ. Воевода говоритъ: скажи, гдѣ лайдакъ, ты знаешь, у тебя видали его, а не скажешь, говоритъ, бѣда будетъ: батогами запорю.

— А ты что сказалъ?

— Не знаю, говорю, такого человѣка видомъ не видалъ и слыхомъ не слыхалъ.

Подкова пристально взглянулъ на него. Лицо татарина выражало полнѣйшее равнодушіе и онъ началъ клясться, увѣряя атамана въ правдивости своихъ словъ.

— Хозяинъ, проговорилъ Подкова, мы у тебя пробудемъ не долго; смотри, не выдавай.

Ольяшъ снова заклялся, потомъ сказалъ:

— Бачка атаманъ, теперь за мной слѣдятъ, нужно васъ подальше ухоронить, а то неровенъ часъ.

— Ладно, хорони.

Всѣ встали Татаринъ провелъ гостей невысокими сѣнцами въ родѣ небольшаго чулана, гдѣ поднялъ опускную дверь и показалъ проходъ внизъ въ небольшое подземелье.

Взявъ снова съ него увѣреніе въ вѣрности, станичники опустились въ подвалъ, выложенный внутри мохомъ и довольно просторный.

Подкова высѣкъ огня и зажегъ лучину. Гвоздь подозрительно оглянулся кругомъ и мрачно сказалъ:

— Атаманъ, а ну какъ мы попались въ западню?

— Не можетъ быть.

— Мнѣ что-то подозрителенъ показался Омляшъ.

— Рази мы въ первый разъ у него? когда онъ выдавалъ, да и что ему за выгода?

— На грѣхъ мастера нѣтъ.

— Едва ли это сдѣлаетъ Омляшъ. Ну, робѣть нечего, а теперь пока до дѣла нужно хорошенько выспаться.

— Погоди, атаманъ, почти въ одинъ голосъ сказали всѣ станичники: во всю дорогу мы тебя спрашивали и ты не говорилъ намъ, къ чему пришли сюда; не скажешь ли хоть теперь.

Подкова нѣсколько времени помолчалъ, потомъ сказалъ:

— Рощинъ указалъ здѣсь хорошую добычу, не такъ ли? добавилъ онъ обратясь къ Кузьмѣ.

— Правда, въ сундукахъ дяди не мало найдется добра и серебра.

— Всей ватагой, молодцы, идти сюда не ладно было, такъ я и рѣшилъ поотобрать только того, кто поудалѣе, да половчѣе.

— Не привычное намъ дѣло это, въ раздумьѣ сказалъ Гвоздь: иное дѣло вихремъ налетить на добычу на легкой ладьѣ, другое совсѣмъ идти въ тихомолку да пробираться въ чужую. Но воля твоя, Подкова, мы привыкли слушать и слушаемъ, какъ отца роднаго.

— А что же, разу худо было отъ этого?

— Нечего грѣха говорить, до сихъ поръ съ тобой вездѣ была удача и добыча.

— Такъ будетъ и теперь.

— А когда за дѣло приниматься?

— Завтра около полуночи.

— Ладно.

— По утру переодѣнемся, пойдемъ будто дровеколы напрашиваться колоть дрова. Кузьма укажетъ мѣсто, мы повысмотримъ и за дѣло.

Вѣроятно, читателю покажется страннымъ, почему Подкова не объяснилъ станичникамъ цѣли своего путешествія; но на это были у него свои причины. Онъ хорошо зналъ, что они изъ за одного желанія помогать Рощину въ его мести ни за что бы не пошли на такое опасное дѣло, и Подкова истинную свою цѣль прикрылъ намѣреніемъ грабежа, обольщая товарищей богатой добычей.

Вскорѣ станичники улеглись всѣ спать и тяжелый храпъ ихъ раздался въ подвалѣ; но никто изъ нихъ и не подозрѣвалъ, что въ то время, когда они разговаривали между собой, ихъ под-

слушивало одно чуткое ухо. Оно принадлежало Омляшу.

Этотъ человѣкъ имѣлъ свой особенный характеръ и цѣль. Глубоко развращенный, онъ сохранилъ въ себѣ черты дикаго кочевника. На всѣхъ, кто не принадлежалъ къ его племени, онъ смотрѣлъ какъ на врага, и если когда либо вступалъ съ нимъ въ сношенія и связи, то только для того, чтобы получить себѣ выгоду и дорожилъ имъ на столько, на сколько послѣдній могъ быть ему полезенъ. Съ человѣкомъ который не былъ магометаниномъ, онъ никогда не былъ вѣренъ, готовъ всегда былъ выдать его, если въ этомъ онъ видѣлъ себѣ выгоду.

Уже выше мы сказали, что Парамонычъ остановился на слѣдахъ Кузьмы у его дома; онъ хорошо зналъ Омляша и то, что татаринъ выдастъ за деньги каждаго, почему и началъ съ этого, чтобы открыть бѣглеца. Но хитрый азіатецъ, увидя деньги, желая получить ихъ, но еще не зная какимъ образомъ достать Рощина, говорилъ сутягъ о немъ двусмысленно, не давая ничего опредѣленнаго. Послѣдній, желая допытаться, задумалъ узнать у него все посредствомъ страха и чрезъ его донесъ татарина потянули въ военскій приказъ; но Омляшъ и тутъ вывернулся, забожившись и заклявшись, какъ онъ самъ говорилъ, что ничего не знаетъ. Его отпустили, однако онъ уже былъ въ подозрѣніи и Парамонычъ не переставалъ за нимъ слѣдить.

Татаринъ все это видѣлъ, хотя и не показывалъ вида, сознавалъ, что запутался въ бѣду, придумывалъ какъ изъ нея выйдти, но боялся открыть мѣсто притона Подковы, гдѣ находился Рощинъ, боясь мести перваго, теперь же онъ самъ пришелъ и привелъ къ нему того, кого отыскивали. Ожляшу было извѣстно, что голова Подковы, какъ одного изъ самыхъ смѣлыхъ удальцовъ, была оцѣнена и казацкій намѣстникъ давно уже слѣдилъ за поимкой его.

Все это съ разу взвѣсилъ татаринъ при первой встрѣчѣ гостей и ему страхъ какъ захотѣлось поживиться и отдѣлаться отъ докучливаго Парамоныча, который ходилъ вокругъ него словно паукъ кругомъ жирной мухи. Но пока онъ угощалъ гостей кумысомъ и соображалъ, его взяли два раздумья: какъ лучше выдать, чтобы въ тоже время не навлечь на свою голову новой бѣды.

Въ своей саклѣ онъ ни за что въ свѣтѣ не рѣшался выдать, потому что, придерживаясь исконнаго обычая степняковъ, онъ считалъ безопасность принятаго имъ у себя человѣка священной и готовъ былъ пожертвовать своей жизнью, лишь бы только не нарушить права гостепріимства, чрезъ нарушеніе котораго пріобрѣлъ бы общее презрѣніе отъ единоплеменниковъ, которые стояли грудью за гостя, кто бы онъ ни былъ, пока онъ подъ ихъ кровлей, и которые, въ то время, безъ зазрѣнія совѣсти считали себя въ правѣ до нитки ограбить его, даже убить, лишь только онъ отходилъ отъ ихъ дома. По этому

Омляшъ рѣшилъ выполнить свой планъ тогда, когда Подкова съ товарищами оставятъ его саклю.

Но тутъ, когда онъ пришелъ къ такому опредѣленію, для него встрѣтилось новое затрудненіе. Ему не извѣстно было куда пойдетъ Подкова и что онъ замыслилъ сдѣлать, а распросить его самого объ этомъ онъ не рѣшался, боясь навлечь на себя подозрѣніе, да и потому еще, что зналъ Подкову какъ за самаго скрытнаго человѣка, отъ котораго невозможно было добиться истины.

— Такъ погоди же, подумалъ онъ про себя, если не такъ, то авось я узнаю, что задумалъ станичникъ другимъ образомъ, и предложилъ имъ ночлегъ въ подпольѣ.

Оно было раздѣлено на двѣ части; послѣдняя замѣняла у татарина кладовую для склада воровскихъ вещей и изъ нея, во мху, который опушалъ стѣну, была продѣлана довольно большая продушина, незамѣтно для посторонняго глаза. Едва только станичники усѣлись въ подпольѣ и завели разговоръ, какъ Омляшъ уже приложилъ ухо къ скважинѣ и ни одного слова не выпустилъ изъ ихъ разговора.

— Ага, голубчики, теперь вы мои, подумалъ онъ, выслушавъ все, и когда услышалъ ихъ храпѣніе, то поспѣшно оставилъ подземелье и пропелъ въ свою саклю.

ГЛАВА XI.

Уговоръ.

Онъ хлопнулъ въ ладони. На зовъ явился прежній слуга.

— Ибрагимъ, засѣдлай скорѣе коня мнѣ и себѣ.

— Зачѣмъ, бачка? было проговорилъ Ибрагимъ.

Но Омляшъ вмѣсто отвѣта погрозилъ на него плетью и покорный рабъ со всѣхъ ногъ бросился исполнять его приказаніе. Минутъ черезъ пять онъ вернулся и проговорилъ:

— Готово, бачка.

Омляшъ одѣлся въ тулупъ, захватилъ съ собой длинный ножъ за пазуху на всякій случай безопасности, такъ какъ въ то время улицы всѣхъ городовъ были очень опасны для прохода и проѣзда въ ночное время по нимъ, и въ со-

провожденіи Ибрагима вышелъ на внѣшній дворъ, гдѣ дожидалась его пара готовыхъ коней.

Они безъ всякаго шума съѣхали со двора и на рысяхъ поѣхали по улицамъ, минуя большія улицы, загороженныя рогатками. Черезъ полчаса ѣзды Омляшъ остановился у воротъ избы стараго сутяги и сильно началъ стучаться въ калитку. Время было уже довольно позднее, а потому прошло не мало времени, когда отворили калитку и впустили пріѣхавшихъ.

Омляшъ взошелъ въ избу къ Парамонычу, который, будучи удивленъ этимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, встрѣтилъ гостя довольно сурово и на его привѣтствіе:

— Здорово, бачка, проговоралъ сквозь зубы:

— А къ коему лѣшему принесло тебя ко мнѣ въ такую пору?

Омляшъ, хотя и услыхалъ это привѣтствіе, но не обращая на него вниманія, продолжалъ:

— Садись, бачка, потолкуемъ.

— Да что ты очумѣлъ что ли, Омляшъ, въ такую пору толковать; завтра можно, сердито сказалъ сутяга.

— Не можно, бачка.

— Почему?

— Такое дѣло.

— Ну, ладно, говори скорѣе, спать хочется.

— А не захочется, когда услышишь.

Парамонычъ присѣлъ къ столу; татаринъ пристально смотря на него своими маленькими хитрыми глазами, продолжалъ:

— Что заплатишь за то, что скажу?

— Да говори что?

— Хорошее дѣло, что дашь?

— Да что ты наладилъ одно и тоже, я не пойму тебя, говори толкомъ.

— Хочешь изловить Кузьму?

Сутяга подпрыгнулъ на скамьѣ и быстро сказалъ:

— Давай его сюда!

— Нѣтъ погоди, бачка, а прежде скажи, что дашь?

— Два алтына!

— Нельзя, бачка.

— Какъ нельзя?

— А такъ парень важный, здровый да сытый.

— Да что же тебѣ въ этомъ?

— А вотъ и то, что нужно прибавить, бачка.

— Ну я больше ничего не дамъ.

— А я не выдамъ, хладнокровно отвѣчалъ татаринъ.

— Такъ я къ воеводѣ тебя.

— Ну чтожь, а я опять скажу, что видать не видалъ и слыхать не слыхалъ.

— Экой дьяволъ, подумалъ Парамонычъ и въ слухъ сказалъ ласково:

— Ну, хорошо, вотъ еще алтынъ прибавлю.

Татаринъ замоталъ головой.

— Да сколько же, наконецъ, съ гнѣвомъ произнесъ сутяга, внутренно проклиная жадность Омляша, такъ какъ самъ неохотно разставался съ деньгами, которыя приходилось платить изъ своего кармана.

DAMAGED PAGE

— Десять алтынъ, бачка.

— Не дамъ! рѣшительно проговорилъ сутяга.

— Ну такъ прощай; будь здоровъ, бачка, и татаринъ направился къ двери.

— Стой, лѣшій, татарская морда! гнѣвно вскричалъ сутяга, удерживая Омляша.

Онъ пріостановился. Парамонычъ долго упрашивалъ его взять меньше но татаринъ твердо стоялъ по своемъ, и сутяга долженъ былъ покориться необходимости.

— Гдѣ же этотъ плутъ? Когда выдашь его, заключилъ онъ, отдавая деньги.

— Завтра, бачка!

— А обманешь?

— Мое слово вѣрно.

— А гдѣ же ты покажешь его?

— Приходи на улицу, гдѣ живетъ купецъ Ѳадей, тамъ и укажу. Но слушай, приходи такъ, чтобъ никто не видалъ тебя и народъ приводи съ собой.

— Ладно; такъ до завтра, прощай.

Парамонычъ думалъ, что теперь дѣло кончено и Омляшъ уйдетъ, но тотъ переминался съ ноги на ногу, почесывалъ затылокъ и, казалось, хотѣлъ еще что то сказать. Полагая, что татаринъ хочетъ еще что нибудь запросить съ него, Парамонычъ съ неудовольствіемъ проговорилъ:

Ну, прощай же, Омляшъ, больше ничего не прибавлю.

— Ой ли?

— Да ужъ такъ, и то много далъ, совсѣмъ разорилъ ты меня, Омляшъ.

— Бачка, давай дѣло вмѣстѣ дѣлать, вмѣсто отвѣта проговорилъ татаринъ.

— Это еще какое? кажись мы покончили.

— То, про которое скажу, лучше.

— Говори.

— Только уговоръ: половину денегъ мнѣ.

— Ладно, сказывай.

— Нѣтъ, бачка, это такъ должно сдѣлать: сперва мнѣ заплатишь половину, а тамъ по чай свое остальное сполна.

Парамонычъ не на шутку разсерди[illegible] дя къ Омляшу, онъ гнѣвно сказалъ е[illegible]

— Слушай ты, татаринъ: если ес[illegible] зать, то говори дѣло и не мели пустя[illegible] нѣтъ, то убирайся, я спать хочу; [illegible] больше не дамъ ни одной денежки.

— Не гнѣвись, бачка, не гнѣвись [illegible] и быть скажу; ты слыхалъ кто тако[illegible]

— Это станичникъ?

— Да.

— Ну такъ чтожъ?

— А то, коли хочешь, то и его словимъ.

— Ты правду говоришь?

— Правду; и Омляшъ началъ божиться.

— Вѣрю, не божись. Но гдѣ же онъ?

— Это мое дѣло, бачка.

— Смотри Омляшъ, берегись, ужъ не держишь ли ты притона и станичникъ то не у тебя ли?

— Право нѣтъ, провалиться мнѣ, а у меня никого нѣтъ. Я добрый человѣкъ и такихъ дур-

DAMAGED PAGE

ныхъ людей не пускаю. Я, бачка, хочу только службу сослужить, а я не злой, не разбойникъ.

— А ты знаешь во сколько оцѣнена голова Подковы?

— Знаю, бачка.

— Такъ половину отдашь мнѣ?

— Да, я вижу, ты добрый человѣкъ.

— Ладно, давай вмѣстѣ орудовать дѣло, сле- разбойника; приходи завтра ко мнѣ по- и мы объявимъ это въ приказѣ.

тѣтъ, это не ладно.

го?

засудятъ, они дружны съ Подковой.

объяви отъ себя одинъ, а тамъ опосля по братски.

рошо: а гдѣ же я найду Подкову?

жу завтра. Теперь прощай, и покло- поспѣшно вышелъ.

въ минуту послышался топотъ конскихъ тъ, скакавшихъ отъ воротъ Парамоныча.

ГЛАВА XII.

Поимка.

Наступало утро. Въ подвалѣ начали одинъ за другимъ просыпаться станичники. Подкова первый заговорилъ:

— Ну, Кузьма, вставай, пора идти и разсмотрѣть мѣсто а вы, товарищи, до ночи побудьте тутъ.

Подкова и Рощинъ встали, накинули на себя полушубка, атаманъ заткнулъ за поясъ топоръ и оба вышли Хозяинъ уже дожидался ихъ. Онъ снова поклонился имъ и поднесъ каждому по чашкѣ кумыса въ знакъ особеннаго расположенія къ нимъ.

Вскорѣ оба товарища вышли за ворота. Стараясь не показываться на улицахъ, чтобъ не быть узнаннымъ, Рощинъ пошелъ къ дядиной

избѣ задворками и огородами. На это никто не могъ обратить вниманія, такъ какъ уже въ огородахъ ничего не было и сами же хозяева для удобства давно уже положили тропы въ своихъ садахъ.

Между тѣмъ въ домѣ Ѳадея еще раннимъ утромъ произошли не малыя приготовленія. Парамонычъ явился къ нему до разсвѣта и почти съ кровати поднялъ старика. Сначала онъ было перепугался и подумалъ, что сутяга спятилъ съ ума, но когда послѣдній растолковалъ ему въ чемъ дѣло, то Ѳадей и самъ принялъ дѣятельное участіе. Они вдвоемъ сбили сосѣдей и скрыли ихъ по близости избы, вооруживъ кого рогатиной, кого дубиной. Потомъ сутяга сбѣгалъ въ земскую избу и привелъ съ собою съ пятокъ стрѣльцовъ, которыхъ спряталъ въ самой избѣ Ѳадея. Вскорѣ они увидали въ концѣ улицы скачущаго татарина, который примѣтивъ Парамоныча, стоявшаго у воротъ, соскочилъ съ коня и быстро проговорилъ:

— Ожидай, идутъ!

— Гдѣ? проговорилъ Парамонычъ.

— По задворкамъ, вмѣстѣ съ Кузьмой и Подкова.

— А болѣ никого нѣтъ?

— Никого.

Проговоря это, Омляшъ быстро сѣлъ на коня и такъ-же проворно ускакалъ назадъ какъ и пріѣхалъ. По уѣздѣ его, оба предводителя состоявшагося ополченія засуетились и подбѣгая къ спрятаннымъ людямъ, говорили каждому:

— Ну парни не робѣть.

— Чего робѣть.

— И то правда, насъ много, а ихъ всего двое.

— Такъ шапками закидаемъ.

— Коли будутъ супротивляться, то бей во что попало: въ голову—голова долой; по ногѣ—ногу пополамъ.

— Ужъ потѣшимся, не пожалѣемъ ручеекъ на станичниковъ.

— Пока вы молчите, прибавлялъ Парамонычъ: а какъ заору я это караулъ, такъ и подваливайте всѣ разомъ.

— Безпремѣнно оно сподручнѣе будетъ.

Парамонычъ и Ѳадей ушли въ избу. У обоихъ сильно билось сердце, но въ особенности у послѣдняго.

— Да скоро ли, говорилъ онъ поминутно заглядывая въ подворотню, покажется этотъ Кузька? Теперь не отвертишься, голубчикъ, во какъ потѣшусь—растаскаю всего!

То онъ подбѣгалъ къ Парамонычу и спрашивалъ:

— Да полно, правда ли что злодѣй придетъ? А ну какъ онъ передумалъ, да вернулся... батюшки мои: остался я тогда и безъ моихъ денежекъ и безъ утѣхи надъ врагомъ.

— Ишь, Ѳадей Терентьевичъ, говорилъ сутяга: имѣй терпѣніе.

— Ишь тебѣ хорошо говорить такъ съ деньгами то, которыя я тебѣ далъ, а каково мнѣ.

Вмѣсто отвѣта Парамонычъ махалъ только ру-

кой и, влѣзши на верхушку голубятни, зоркимъ окомъ озрѣвался во всѣ стороны.

Наконецъ онъ примѣтилъ какъ двое мущинъ остановились въ одномъ переулкѣ между домами. Сердце его дрогнуло отъ радости: въ одномъ изъ нихъ онъ узналъ Кузьму, въ другомъ не сомнѣвался, что видѣлъ атамана станичниковъ.

Дѣйствительно это были они. Переговоря немного другъ съ другомъ, Подкова отдѣлился отъ товарища, вышелъ на открытую улицу и смѣло пошелъ къ избѣ Ѳадея, между тѣмъ какъ Рощинъ приблизился къ огороду и, облокотясь на заборъ, сталъ пристально всматриваться въ окна терема, гдѣ по обыкновенію опочивала Мареа. Самыя разнообразныя мысли заносились въ горячей головѣ.

Въ это время Подкова, подойдя къ воротамъ, постучалъ въ нихъ желѣзной скобой, нарочно въ тогдашнее время вдѣлаемой для подобнаго употребленія въ калитки.

Парамонычъ ужъ сбѣжалъ съ голубятни и подошедши къ Ѳадею говорилъ:

— Терентьевичъ, ступай на огородъ, тамъ стябришь Кузьку, а я пока управлюсь съ станичникомъ.

Терентьичъ, радостно потирая руки, проворно пошелъ въ огородъ и махнулъ людямъ, которые были спрятаны тамъ, началъ подбираться между деревьями къ забору. Мѣсто было удобное, они могли незамѣтно подойти сзади Кузьмы.

Между тѣмъ Подкова, не получая отвѣта, вновь

стукнулъ въ ворота, подозрительно осматриваясь кругомъ. На этотъ разъ ему отворили калитку и показался одинъ изъ работниковъ Ѳадея.

— Что надо? спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ и держась довольно на приличное разстояніе отъ станичника, на котораго смотрѣлъ съ тайнымъ страхомъ.

Подкова поклонился ему и отвѣчалъ:

— А что, братъ, не надо ли хозяину дровокола?

— Погодь я поспрашаю, и работникъ, заперевъ снова калитку, подбѣжалъ къ Парамонычу и объяснилъ просьбу Подковы.

— Отлично! сказалъ Парамонычъ: мнѣ только того и надо, чтобы заманить на дворъ. Скажи, что мнѣ нужно, да погоди, какъ только воръ очутится на дворѣ, такъ мигомъ калитку на запоръ, пока не подбѣгутъ на подмогу.

Работникъ снова показался въ калиткѣ и сказалъ:

— Стучай, другъ, дровоколъ отъ нуженъ.

Подкова, ничего не подозрѣвая, смѣло вошелъ на дворъ и быстро опытнымъ взглядомъ окинулъ его внутренность. Въ это время въ сѣняхъ показался сутяга и началъ кивать Подковѣ головой, маня его къ себѣ.

Съ низкимъ поклономъ и снявъ шапку, подошелъ къ нему хитрый станичникъ.

— Друже, ласково сказалъ Парамонычъ: это ты и есть дровоколъ?

— Я самый и есть, твоя милость.

— Пойдемъ, я укажу тебѣ полѣнницу.

Онъ пошелъ впереди, искоса поглядывая назадъ. Въ это время сильно стукнулъ запоръ у калитки. Подкова отъ чего то невольно вздрогнулъ и обернулся. Онъ увидѣлъ что калитка была заперта и отъ нея быстро шелъ работникъ.

— Ужъ не попался ли я? подумалъ про себя Подкова, но чтобы ничѣмъ пока не обличить себя, онъ сдѣлалъ надъ собой усилие и твердой ногой подошелъ къ полѣнницѣ.

Парамонычъ снова ласково заговорилъ съ нимъ и началъ стараться, чтобъ его поставить задомъ къ полѣнницѣ. Едва только удалось ему сдѣлать это, какъ онъ съ быстротой молніи бросился подъ ноги Подковѣ, обхватилъ крѣпко ихъ и закричалъ во всю грудь:

— Караулъ! бейте вора!

Какъ ни былъ силенъ станичникъ, но отъ уловки Парамоныча, неожиданности и толчка, онъ не могъ удержаться на ногахъ и припалъ на колѣни, но въ то же мгновеніе онъ, съ страшной силой, схвативъ Парамоныча за шиворотъ, отбросилъ далеко его прочь. Подкова хотѣлъ было приподниться, освободившись отъ тяжести, однако въ это мгновеніе на него сзади, съ страшными криками накинулись стрѣльцы, выбѣжавшіе изъ за полѣнницы, и одни схвативъ его за руки, другіе навалясь всей грудью, старались смять его на землю и обезоружить.

Подкова, увидя и понявъ теперь опасность своего положенія, употреблялъ всѣ свои усилія ос-

вободиться отъ нападавшихъ. Можетъ быть онъ и успѣлъ бы отбиться, но въ это время со всѣхъ сторонъ черезъ заборъ и ворота, начали перелѣзать сторожившіе его люди и этимъ отняли всякую возможность спастись Подковѣ.

Послѣ минутной, отчаянной борьбы, онъ наконецъ былъ сваленъ, въ мигъ скрученъ по рукамъ и ногамъ и, страшно избитый и изуродованный, брошенъ на землю почти въ безсознательномъ состояніи. Очнувшійся отъ удара Парамонычъ торжествовалъ и повелъ толпу въ огородъ, гдѣ уже тоже раздавались крики.

Кузьма, какъ и Подкова тоже ничего не подозрѣвалъ объ угрожающей ему опасности, и не видалъ, какъ подкрадывались къ нему люди. Но крики на дворѣ вывели его наконецъ изъ задумчивости. Онъ внимательно теперь оглянулся кругомъ себя. Ѳадей показался изъ-за кустовъ.

— Ага, мгновенно подумалъ онъ: такъ мы открыты; видно Подкова тамъ дерется... эге, дядюшка, никакъ ты хочешь до меня добраться, но прежде я задушу тебя, чѣмъ живой отдамся въ руки.

Онъ уже хотѣлъ было броситься на Ѳадея, но увидѣвъ толпу, высыпавшую вслѣдъ за нимъ, онъ сообразилъ неравенство силы и бросился на утекъ.

Ѳадей зарычалъ отъ ярости, увидя бѣгство племянника и съ страшными проклятіями, въ сопровожденіи всей толпы, бросился впередъ, но Рощинъ былъ далеко впереди ихъ и мгновенно скрылся среди проулковъ. Преслѣдователи не видя

его, разошлись въ разныя стороны, но къ счастію никто не попалъ на его слѣдъ.

Между тѣмъ, когда Подкову повели въ поимочный приказъ, который завѣдывалъ поимкой воровъ и разбойниковъ, Рощинъ быстро несся къ дому Омляша. Прибѣжавъ къ нему, онъ не постучался въ ворота, а со всего размаху перепрыгнулъ черезъ невысокій заборъ и какъ ураганъ ворвался въ саклю, гдѣ въ это время Омляшъ угощалъ оставшихся его товарищей.

Растрепанный видъ, внезапность появленія Рощина изумили и испугали станичниковъ. Они повскакали съ войлока, на которомъ сидѣли, и въ одинъ голосъ проговорили:

— Что такое случилось?

— Бѣда. Насъ выдали! Подкова пойманъ, я успѣлъ одинъ убѣжать. Плошать нечего, надо сейчасъ же утекать!

Всѣ при этой вѣсти бросились въ безпорядкѣ къ дверямъ; остановился одинъ Гвоздь, громко сказавъ:

— Погодите бѣжать то, надо расчитаться съ предатетемъ, и выхватя ножъ, оглянулся кругомъ, ища глазами Омляша.

Но послѣдній, при первомъ же появленіи Рощина, понялъ все и опасаясь за послѣдствія, скрылся изъ избы, воспользовавшись общимъ переполохомъ.

Не найдя Омляша, Гвоздь бросился бѣжать за товарищами.

ГЛАВА XIII.

Станичники.

Станичники, счастливо миновавъ слободскія предмѣстья, вскорѣ очутились въ лѣсу, который росъ на далекое пространство на такъ называемомъ Арскомъ полѣ, когда то знаменитомъ и значительномъ для Казани, такъ какъ въ немъ съ открытіемъ лѣтняго пути по Волгѣ, казанцы выходили торговать съ приходившими къ нимъ купцами; тогда вся мѣстность оживлялась и принимала видъ подвижнаго города.

Углубившись въ лѣсъ на довольно значительное разстояніе и считая себѣ внѣ опасности, станичники остановились отдохнуть. Всѣ они были сильно истомлены и опечалены случившимся происшествіемъ. Потеря любимаго атамана очень поразила ихъ. Нѣсколько времени они молчали

и угрюмо посматривали по сторонамъ и какъ бы не рѣшаясь никто заговорить изъ нихъ первый. Наконецъ Рощинъ прервалъ молчаніе и сказалъ:

— Что же намъ дѣлать теперь, братцы?

— А ты вотъ насъ затащилъ сюда, такъ и придумывай, съ угрюмой насмѣшливостью произнесъ Гвоздь.

Это, казалось, задѣло за живое Рощина и онъ продолжалъ:

— Грѣхъ случился не по моей винѣ, и теперь намъ слѣдовало бы подумать, нельзя ли выручить Подкову?

— А какъ ты его выручишъ, прытокъ больно.

— Такъ неужъ-то погибать ему?

Станичники грустно переглянулись между собой; Кузьма продолжалъ:

— И хорошо ли будетъ то, когда мы воротимся назадъ всѣ цѣлы, а атамана съ нами не будетъ?

Станичники молчали.

— Нѣтъ, братцы; какъ вы думаете, а по моему оставлять не слѣдъ.

— Что же ты хочешь сдѣлать?

— Я не ворочусь безъ него: или выручу, или вмѣстѣ пойду съ нимъ подъ качель, что съ двумя то ли столбами съ перекладиной, рѣшительнымъ голосомъ отвѣчалъ Рощинъ.

— А что, товарищи, послѣ нѣкотораго молчанія проговорилъ Гвоздь: вѣдь Рощинъ говоритъ дѣло.

— Дѣло то дѣло, но какъ возмемся за него, что подѣлаемъ; чай теперь Подкову стерегутъ за

тремя дверями, на желѣзной цѣпи, ну что мы подѣлаемъ коли насъ всего только и есть самая малость.

Гвоздь задумался; но Рощинъ сказалъ:

— Не въ силѣ главный толкъ, а въ умѣньи.

— По моему, сказалъ одинъ изъ станичниковъ: повѣстить прочихъ товарищей на куренѣ, они придутъ сюда; тогда вмѣстѣ удумаемъ какъ обдѣлать дѣло да всей ватагой и нагрянемъ.

Гвоздь засмѣялся и отвѣчалъ:

— Не ладно вздумалъ, товарищъ.

— Что такъ?

— А такъ; пройдетъ во первыхъ долго времени, а пока Подкову по обычаю начнутъ пытать да выспрашивать, а и гдѣ воровалъ, гдѣ разбой держалъ, а и много ли было у него товарищей..

— Да онъ не выдастъ.

— А вотъ за это то и повытрясутъ изъ него душу удалую! поломаютъ суставы сильные; а второе сила наша здѣсь ничего не поможетъ; однихъ государевыхъ стрѣльцовъ тутъ тысячъ до пяти, опричь другой служивой рати.

— Значитъ намъ нечего и пытаться, стало быть ужъ такая судьба Подковы, такъ на роду написано ему.

— Ну это увидимъ, надо попытаться.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, добавилъ Рощинъ.

— Главное, нужно прознать, куда засадили Подкову.

— Вѣстимо въ тайникъ, молвилъ опять Рощинъ.

— А ты почему знаешь?

— Слыхалъ отъ людей.

— Онъ началъ разсказывать о тайникѣ, который дѣйствительно служилъ тюрьмою для преступниковъ и былъ остаткомъ постройки, возведенной въ то время, когда Казань была еще свободна и находилась за татарами.

Тайникъ былъ ни болѣе ни менѣе какъ высокая и обширная башня, съ ходомъ на Волгу; но послѣдній былъ давно заваленъ и о немъ ходило лишь одно преданіе.

Отыскавъ начало, станичники со вниманіемъ осмотрѣли его, пробовали крѣпость и твердость камней, которыми былъ заваленъ проходъ и рѣшили, что безъ ломовъ тутъ подѣлать ничего нельзя было, а потому и положили послать за ними въ ту деревню, гдѣ впервые пристали у берега, и тогда только начать работу, когда будутъ доставлены инструменты. Между тѣмъ Гвоздь вызвался опять пробраться въ городъ и узнать лучше куда былъ заключенъ Подкова, сказавъ, что у него есть тамъ одинъ знакомый дьякъ, которому все было извѣстно. Остальные должны были дожидаться возвращенія прочихъ товарищей.

Пришедши къ тайнику, они встрѣтили тамъ уже всѣхъ собравшимися Гвоздь подтвердилъ предположеніе Рощина относительно заключенія

Подковы и добавилъ еще одно, очень важное для нихъ извѣстіе, что узникъ брошенъ въ самое нижнее подземелье, которое составляла одна комната и въ которую прямо велъ выходъ.

Обрадованные этимъ извѣстіемъ, станичники съ жаромъ принялись за дѣло, смѣняясь и отдыхая по очередно. Такъ дѣло шло до самаго утра, когда они принуждены были прекратить свою работу и уйдти на день снова въ лѣсъ. По первому опыту они должны были убѣдиться, что открыть ходъ будетъ дѣло не легкое; но ихъ еще смущала одна мысль не заваленъ ли тайникъ весь такимъ образомъ; тогда если бы такъ случилось имъ не оставалось никакой надежды на успѣхъ. Проходила уже недѣля, а станичники, хотя и далеко углубились въ подземный проходъ, но все еще встрѣчали преграды, надъ которыми приходилось работать ломами. Большая часть изъ нихъ, встрѣчая это, теряли бодрость и совѣтывали бротить попытку, но Рощинъ упорно стоялъ на продолженіи ея и поддерживаемый Гвоздемъ, успѣвалъ вновь ободрить ихъ.

Былъ седьмой день ихъ работы, когда Рощинъ, по обыкновенію подкапываясь впереди всѣхъ, ударилъ сильно ломомъ въ земляную насыпь и на этотъ разъ чуть не закричалъ отъ сильной радости: ломъ болѣе не встрѣтилъ сопротивленія и безъ труда, почти весь ушелъ въ пустое пространство.

Станичники удвоили силы и черезъ четверть часа для нихъ открылся свободный ходъ.

— Ребята, зажигай лучину и пойдемъ дальше, сказалъ Рощинъ, и станичники, засвѣтивъ пуки лучинъ, пошли за нимъ впередъ.

Сперва ходъ спускался на нѣсколько ступенекъ внизъ и проходъ началъ понижаться и съуживаться. Отъ времени обложенныя деревомъ стѣны обвалились куски и обрубки бревенъ валялись на каждомъ шагу, что затрудняло путь по подземному ходу. Потолокъ былъ полуразрушенъ, чуть держался и угрожалъ каждую минуту обваломъ. Кругомъ было сыро и холодно, какъ въ могилѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проходъ былъ очень тѣсенъ и узокъ. Станичники шли имъ около часа и наконецъ остановились около небольшой деревянной двери, обитой желѣзомъ и заколоченной вплоть. Кузьма было попробовалъ вышибить ее, но она даже и не подалась отъ его могучаго плеча; тогда они рѣшили разломать ее не прежде, какъ въ другую ночь; въ то же время положили привести къ выходу свою лодку и въ ней увезти Подкову, если его выручатъ,

Наступила послѣдняя ночь. Лодка была приготовлена. Станичники взошли въ проходъ и дошли до завѣтной двери, чтобы разломать ее и пустили въ дѣло топоры. Долго дверь не поддавалась соединеннымъ ихъ усиліямъ, но наконецъ глухо заскрипѣла, шатнулась и съ сильнымъ грохотомъ упала на каменный помостъ большой комнаты, сырой и мрачной. Кузьма первый бро-

сился въ нее. При свѣтѣ горѣвшей лучины онъ увидалъ въ углубленіи Подкову, прикованнаго къ стѣнѣ короткой цѣпью, такъ что она не позволяла ему встать на ноги.

Онъ лежалъ на пукѣ гнилой соломы, ноги и руки были у него обвязаны окровавленными тряпицами. Дѣло было въ томъ, что его уже нѣсколько разъ допрашивали, но онъ упорно молчалъ, не открывалъ ни притона, ни участниковъ, почему, по обычаю и суду того вѣка, былъ пытанъ. У него были теперь раздроблены кисти рукъ и ногъ. Рощинъ бросился къ нему первый; изъ всѣхъ силъ дернулъ за цѣпь и вырвалъ ее съ кольцомъ изъ стѣны.

До сихъ поръ дѣло шло пока благополучно и можно было разсчитывать на вѣрный успѣхъ; изъ стражи никто не замѣтилъ да и не предполагалъ подкопа, но теперь шумъ упавшей двери, удары, которыми ломали ее и шумъ вырванной цѣпи, все это, невольно привлекло на себя вниманіе двухъ стрѣльцовъ, которые были посланы для стражи съ наружной двери и выхода. Сначала озадаченные происходившимъ шумомъ въ такое время ночи, они по тогдашнему суевѣрію, сочли это просто навожденіемъ бѣсовскимъ, но потомъ, придя въ себя и услыша какъ звякнула вырванная цѣпь и тулъ отъ нея глухо раздался извнѣ, они наконецъ поняли, что внутри происходитъ что-то особенное. Одинъ изъ нихъ немедленно побѣжалъ дать знать объ этомъ товарищамъ, а

другой началъ поспѣшно отпирать дверь, чтобы взглянуть на важнаго преступника.

Въ это время безчувственнаго Подкову подхватили четверо дюжихъ станичниковъ на руки и несли къ противуположному выходу. Впереди шли двое, которые освѣщали путь, а остальные, вмѣстѣ съ Рощинымъ шли сзади и прикрывали собой бѣгство. При видѣ всего этого стрѣлецъ на секунду стоялъ въ какомъ-то остолбененіи; но потомъ опомнился, выстрѣлилъ изъ своего длиннаго мушкета и, выхвативъ саблю, бросился преслѣдовать, призывая къ себѣ на помощь товарищей.

Между тѣмъ станичники быстро бѣжали по проходу съ своей ношей. Рощинъ, думая замедлить преслѣдованіе, въ самомъ узкомъ мѣстѣ поставилъ поперекъ его огромный обрубокъ полусгнившаго бревна, твердо утвердивъ его концами въ земляныхъ стѣнахъ. Эта выдумка дѣйствительно на нѣкоторое время остановила преслѣдованіе и дала возможность станичникамъ далеко уйдти впередъ, такъ что, когда стрѣльцы успѣли вытащить бревно, то они были почти у самаго входа. Выскочивъ изъ него, они бросились къ лодкѣ, стоящей у песчанаго берега, а Рощинъ, воспользовавшись временемъ, успѣлъ привалить къ выходу большой камень, который прекратилъ всякую возможность выйдти человѣку изъ подземнаго входа.

Счастливо убѣжавшіе изъ подземелья станичники, сѣвъ въ лодку, обрубили якорь, поставили

парусъ и съ веселыми криками отвалили въ то время, когда на низъ сбѣгала другая часть стрѣльцовъ, которая бросилась бѣжать и преслѣдовать другимъ путемъ. Крикъ гнѣва вырвался изъ груди почти всѣхъ, когда они увидали, что не могутъ болѣе преслѣдовать бѣгущихъ, и въ безсильной ярости дали нѣсколько залповъ изъ пищалей. Но это была напрасная вспышка гнѣва и пущенныя пули рикошетами заносились по волнамъ рѣки, не причиняя ни малѣйшаго вреда отважнымъ людямъ.

На выстрѣлы они отвѣтили дружнымъ залпомъ восторженнаго крика и насмѣшекъ, а тамъ скрылись въ ночной мглѣ.

ГЛАВА XIV.

Прощальная чаша.

Было прекрасное осеннее утро, хотя въ воздухѣ совсѣмъ захолодило и солнечные лучи уже не согрѣвали болѣе своимъ тепломъ широкую грудь земли, какъ въ лѣтнее время. Высь была прозрачна и только легкое дымчатое облако застилало иногда ея синевато-голубую лазурь. Въ это время полнымъ ходомъ и на всѣхъ веслахъ неслась лодка Подковы. Самъ онъ, плотно закутанный кожухами, лежалъ на днѣ ея, а голова его качалась на колѣняхъ Рощина, который съ какой-то особенно братской любовью посматривалъ на него. Уже третій день, какъ убѣгали станичники изъ подъ Казани, Подкова все еще не приходилъ въ себя и смутно сознавалъ свое положеніе. При

всей крѣпости своего тѣлосложенія онъ чувствовалъ во всѣхъ членахъ страшную боль и глухо стоналъ при малѣйшемъ движеніи.

Въ это утро онъ лежалъ на спинѣ, лицо его было блѣдно и черные блестящіе глаза были устремлены въ высь. Долго на лицѣ станичника не выражалось ничего; наконецъ его лобъ по немногу началъ хмуриться, казалось, холодный воздухъ освѣжилъ его мысль и онъ что-то вспомнилъ. Окинувъ кругомъ себя глазами, онъ остановилъ свой взоръ на Рощина и ласково ему ухмыльнулся, проговоривъ:

— Кузьма, гдѣ я?

— Между своими, Подкова.

— Но погоди, постой, да что бишь, вѣдь меня, кажется, схватили, пытали..- да, такъ, теперь я припомнилъ все, но какъ же я спасся?

Рощинъ нагнулся къ нему и тихо началъ разсказывать, какъ его освободили.

Подкова выслушавъ его, радостно проговорилъ:

— Ай да товарищи, молодцы! Я по вѣкъ буду у васъ въ долгу, но гдѣ мы теперь плывемъ?

— Ужъ миновали Ростокинъ плесъ.

— Такъ близко и къ куреню?

— Почитай, что къ вечеру будемъ дома.

Помолчавъ немного, Подкова сказалъ:

— Говорилъ я, Кузьма, что не складно зачинаемъ, анъ вотъ и вышло такъ; но что объ этомъ толковать, рано или поздно, а это все

должно случиться съ нашимъ братомъ. Только хотѣлось бы мнѣ знать, кто это выдалъ насъ?

— Омляшъ, отвѣтилъ Гвоздь.

— Правда ли?

Гвоздь передалъ ему подозрѣніе. По мѣрѣ его разсказа лицо Подковы оживлялось и краска сильнаго негодованія выступила на немъ.

— Да, проговорилъ онъ наконецъ, не думалъ я, чтобы могъ измѣнить мнѣ этотъ проклятый нехристь, но теперь берегись; коли приведется на будущую весну увидѣться, Омляшъ, съ тобой, такъ не знаю, кто тогда будетъ плясать ты, али я.

И его взоръ блисталъ, полный ненавистью.

— Но ты что призадумался, обратился онъ къ Рощину, который, казалось, былъ погруженъ въ раздумье.

— Грустно, что не удалось дѣло, отвѣтилъ онъ.

— Погоди, авось и на нашей улицѣ будетъ праздникъ.

— Ахъ, Подкова, вѣришь ли, что теперь еще тяжелѣе стало на груди, когда подумаю, что вмѣсто отплаты чуть самихъ не отправили на тотъ свѣтъ.

Подкова на это не отвѣчалъ и вскорѣ наступило молчаніе, прерываемое шумомъ волнъ да изрѣдка отрывочнымъ разговоромъ путниковъ,

которое почти такъ и продолжалось въ остальную часть пути до Чортова бора.

Станичники были обрадованы ихъ прибытіемъ, такъ какъ назначенное время уже прошло и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, когда наступитъ разставанье, но въ тоже время они были изумлены случившимся съ атаманомъ и поклялись, что если приведется еще разъ пролѣтовать по Волгѣ, то такъ или иначе, а не уйдти будетъ отъ нихъ живому Омляшу.

На другой день Подкова велѣлъ выкачивать барки ни берегъ, что дѣлалось станичниками каждую осень и они оставались въ такомъ положеніи до слѣдующей весны. Струги были разснащены и перевернуты вверхъ дномъ; потомъ больной атаманъ велѣлъ собраться въ кругъ и по его приказанію изъ избы снесена была вся добыча. Поддерживаемый Кузьмой онъ вошелъ въ средину круга, и начался ровный дѣлежъ вынесеннаго. Всѣмъ шла ровная часть, а если отъ чего либо оставался излишекъ, то его кидали по жребію.

По раздѣлѣ, онъ обратился къ Кузьмѣ и промолвилъ:

— Ну, побратимъ, не досталось тебѣ ничего на кругѣ, потому что еще ты ничего не добылъ копьемъ, но за то у меня есть достаточно и вдвоемъ будетъ чѣмъ промаячить зимнюю стужу. Ну, товарищи, обратился онъ къ станичникамъ: кажись, прошло лѣто и мы не ссорились; коли Богъ приведетъ дожить до будущей весны, то

приходите сюда и вы здѣсь уже увидите Подкову и его побратима Рощина, а теперь, по обычаю, давайте пить въ остальной разъ прощальную чашу.

Станичники испустили крикъ радости.

И снова закурились костры; къ нимъ подкачены были двѣ бочки съ виномъ, пиво и крѣпкій медъ, заходила чара зеленаго вина между товарищами, раздались прощальныя пѣсни и долго шумные и веселые крики ихъ разносились по воздуху и потрясали его.

Съ разсвѣтомъ другаго дня товарищество начало расходиться, и курень сталъ быстро пустѣть. Послѣднимъ оставилъ его Подкова съ Кузьмой, задержанные болѣзнью перваго и за уходомъ ихъ наступила здѣсь могильная тишина; самое мѣсто было вскорѣ занесено снѣгомъ и теперь никто бы и не примѣтилъ бурнаго куреня, еслибы захотѣлъ придти къ нему.

ГЛАВА XV.

Казачья жизнь.

Подкова и Рощинъ ушли на зимовку на Донъ. Всю дорогу атаманъ разсказывалъ товарищу про житье бытье на вольной рѣкѣ, какъ нашли тогда добрые люди, какъ селились по тихому Дону, заводили свои курени и уставы, не сходные съ тѣми, которые жили въ родной сторонѣ. Сюда шелъ народъ вольный со всѣхъ сторонъ и рѣкъ: отъ бурнаго Днѣпра, и отъ быстрой Оки и широкой Волги, и отъ горъ Черкасскихъ. Всякій жилъ по своему, но у всѣхъ одно было правило, чтобы вѣру держать православную и христіанскую.

И много Подкова разсказывалъ Рощину о привольныхъ мѣстахъ тамошнихъ, о томъ, что каж-

дый могъ веселиться хоть круглый годъ да биться съ басурманскими татарами, которые были вѣры Христовой и царства Русскаго злые сопротивники.

Новость положенія и живость разсказа Подковы увлекали Рощина и онъ сначала забылъ, тамъ еще недавно волновавшіе его чувства, а когда онъ пришелъ на Донъ и окунулся въ ту разгульно вольную жизнь, о которой говорилъ Подкова, то они какъ бы совершенно заснули въ немъ.

Подкова явился съ Рощинымъ въ родные курени не простымъ казакомъ, у котораго за душой ничего не было, но вольнымъ и славнымъ удальцомъ, слава о которомъ уже ходила давно между казаками. Вступя въ родимое селеніе, Подкова отобралъ что было поцѣннѣе для себя и товарища, а остальное роздалъ роднымъ и знакомымъ. Всѣ ахали и дивились его богатымъ подаркамъ. Потомъ удалой атаманъ собралъ вокругъ себя прежнихъ товарищей да молодыхъ паробковъ и началъ, что называется, кружить съ ними, вспоминая за пѣнникомъ да крѣпкимъ медомъ, какъ живали они въ старину, вмѣстѣ пили и рубились съ врагами, себѣ на воспоминаніе, и молодости на поученіе.

И кутилъ, и кружилъ Подкова съ Рощинымъ, и немного чѣмъ въ мѣсяцъ спустилъ все привезенное съ собой, а тамъ остался голъ какъ соколъ; тогда онъ пошелъ бродить съ пріятелемъ по куренямъ зажиточныхъ побратимовъ-казаковъ,

и тѣ не отказывались принимать удалаго атамана, поили, угощали его въ досталь и сами съ нимъ упивались.

Рощину, какъ молодому человѣку, по нраву пришлась эта бурно безшабашная и безцѣльная жизнь. Онъ привыкъ къ ней мало по малу и съ начала во всемъ только подражая своему побратиму, вскорѣ до того увлекся ею и свыкся, что даже пересиливалъ Подкову въ попойкахъ; въ тоже время, желая совершенно сравняться съ нимъ въ удальствѣ, онъ сталъ учиться казацкому дѣлу и навыку въ битвахъ. Такъ прокатывалась для нихъ длинная, студеная пора, и прожились они почти до послѣдняго полушубка, такъ что остались въ однихъ свиткахъ, или попиткахъ.

Но вотъ стало дольше и дольше оставаться солнце на высокомъ небѣ и его лучи горячіе согрѣвать землю и растоплять на ней ледяную кору. Въ синевѣ зардѣли перелетныя птицы, съ моря Чернаго подулъ теплый вѣтеръ, въ воздухѣ затеплѣло — и быстро началъ бѣлый снѣгъ превращаться въ текучую воду, сталъ синѣть и вздуваться тихій Донъ. У Подковы и Рощина стало дѣлаться что то особенное на сердцѣ.

Разъ они сидѣли на порогѣ одной хаты. Подкова отчищалъ клинокъ своей татарской сабли, которой съ однаго размаха перерубалъ рубли и она оставалась безъ зазубрины; а Рощинъ привинчивалъ кремневый курокъ къ своей длинной пищали, изъ которой онъ привыкъ налету уби-

вать быстролетную ласточку, въ дальней выси сшибать на сырую землю могучаго орла степняка.

— А что Подкова, молвилъ Рощинъ, не пора ли и къ родимой Волгѣ матушкѣ подбираться?

— Погоди.

— Да чего годить то? вишь. какъ кругомъ все весело.

— А вотъ что я тебѣ хочу сказать, Кузьма, всѣмъ ты сталъ казакъ удалый и вѣрю, что не почтешь и жизнь въ копѣйку, ну а все лучше будетъ, если попробуешь саблю да пріучишь руку къ бою на бритой татарской головѣ.

— А рази что слышно?

— Поговариваютъ казаки что зиму пообносились, такъ хотятъ плыть въ Крымъ итамъ понабрать себѣ кафтановъ да парчей золотыхъ для женъ-казачекъ своихъ.

Послѣ этого разговора прошло около недѣли. За это время нѣсколько разъ казаки собирались въ круги и толковали про походъ на татаръ. Здѣсь молодежь и тѣ изъ старыхъ казаковъ, у которыхъ не было ни кола, ни двора, громче всѣхъ кричали и горячились, требуя войны; но домовитые, осѣдлые, у которыхъ были жены и хаты и цакуты полные хлѣба и всякаго добра, говорили имъ противное и мало по малу голосъ ихъ начиналъ брать перевѣсъ.

— Что-жъ мы будемъ дѣлать? громко роптали голутвенные казаки.

— Гдѣ достанемъ себѣ кафтановъ за лѣто? кричали иные.

— Сабель да парчей! ревѣли другіе, а въ томъ числѣ громче всѣхъ перекрикивалъ и Подкова.

Но ихъ крики оставались напрасными и атаманы порѣшили, что похода на эту весну на татаръ не будетъ.

Тогда разъяренные отказомъ голутвенники крикнули.

— Такъ оставайтесь на печкахъ съ своими бабами; вы не казаки, а мы и безъ васъ будемъ ратовать.

— Мы идемъ на Днѣпръ, къ Запорожцамъ-молодцамъ, крикнула сотня другая голосовъ, но не меньше закричало казаковъ и такъ:

— А мы уйдемъ на Волгу, побываемъ и въ Персидскомъ царствѣ, разживемся шалями, да коврами персидскими, и послѣ этого круговъ уже больше на собиралось, всѣ разошлись и стали дѣйствовать каждый по своему.

— Ну что, какъ идетъ дѣло? спросилъ Кузьма Подкову.

Послѣдній махнулъ рукой и злобно отвѣчалъ:

— А ну тутошнихъ казаковъ къ черту.

— Что такъ, али мы не молодцы?

— Были, да сплыли: смотри пожалуй, такъ оба-

бились, что не хотятъ и подъ крымскую татарву идти.

— Такъ что-жь думаешь дѣлать?

— Буду атаманствовать опять по Волгѣ. Собирайся.

Сборы были непродолжительны и черезъ сутки Подкова съ Рощинымъ уже выѣзжали изъ станицы и неслись по степи на лихихъ скакунахъ.

ГЛАВА XVI.

Кузьма Рощинъ.

И скакали сперва оба побратима по берегу Дона. Степи уже начали тогда одѣваться роскошнымъ муравымъ лугомъ, а дубовыя вѣковыя дебри опушаться изумрудной листвой. Тамъ и сямъ по степи перебѣгали то быстроногіе зайцы, то хитрыя лисы съ сѣрыми волками а между ними мирно ходили дрофы и другая степная дичь. А тамъ въ небѣ, среди чистоясныхъ облаковъ, словно въ безграничномъ морѣ купались и носились стада дикихъ лебедей, сѣрыхъ гусей и другой разной сухопутной и водяной птицы.

Наши путешественники не много взяли съ собой на дорогу, всего по небольшому мѣшку съ саламатой да сухимъ сухаремъ: не прихотливы были эти

степные люди и довольствовались малымъ; но если иногда хотѣли себя потѣшить сочнымъ блюдомъ, то пища была подъ рукой и во времени роздыха появлялась то дрофа, то вкусный степной заяцъ.

Привычный къ степнымъ переходамъ и знакомый съ ними такъ же хорошо какъ съ путемъ по водѣ, Подкова ѣхалъ прямо, опредѣляя путь днемъ по курганамъ, разбросаннымъ въ этой мѣстности, а ночью по звѣздамъ. Доѣхавъ до того мѣста, гдѣ Донъ, изгибаясь, сближается съ Волгой, наши путники переправились черезъ рѣку и прямымъ путемъ направились къ великой рѣкѣ матери всѣхъ водъ текущихъ по широкой Восточно-Европейской равнинѣ.

Черезъ нѣсколько переѣздовъ они уже были въ станичномъ куренѣ, который находился въ Чертовомъ бору.

Подкова сдержалъ свое слово: онъ первый явился на свое становище. Теперь оно, прикрытое густымъ лиственнымъ боромъ, было почти неприступно и къ нему могъ проникнуть только тотъ, кто хорошо былъ знакомъ съ этимъ мѣстомъ. Изба атамана нѣсколько поразвалилась, шалаши были почти совсѣмъ разрушены. Подкова и Кузьма, въ ожиданіи подхода къ себѣ товарищей, принялись за топоры и начали починять избу. Не рѣдко проходили они и къ береговаму спуску, гдѣ были вытащены струги; нѣкоторые изъ нихъ въ значительномъ находились поврежденіи, но починку ихъ Подкова оставилъ до прибытія прочихъ.

Скоро начали подходить и они, а недѣли въ двѣ

ихъ понабралось уже и близко къ прежнему количеству Жалкій видъ представляли станичники: видъ ихъ былъ истомленъ и истощенъ, а одежда вся въ клочкахъ; у рѣдкаго оказывался хоть сколько нибудь сносный понитокъ: видно было, что трудна была дня нихъ пережитая зима.

По приходѣ ихъ, Подкова распорядился починкой старыхъ судовъ, и вълѣсу, дотого времени безмолвномъ, началась оживленная работа и онъ огласился звукомъ звонкихъ топоровъ и веселыхъ голосовъ.

Въ недѣли три струги были совсѣмъ уже изготовлены и при веселыхъ пѣсняхъ было спущено десять деревянныхъ, парусныхъ лодокъ. Подкова раздѣлилъ ихъ на двѣ части; одну взялъ подъ себя, а другую поручилъ Рощину.

И запѣнились волны широкой Волги подъ веслами станичниковъ; полетѣли ихъ струги по волнамъ, словно лебеди распустивъ паруса, разсѣкая водяную струю широкой своей грудью. Задрожалъ воздухъ отъ пѣсни людской и далеко прозвучала по приволжскимъ берегамъ молва о появленіи снова на рѣкѣ Подковы. Услыхали это удалые купеческіе прикащики, помутились у нихъ ясныя очи, опустились могучія руки и пускались они въ путь торговый со страхомъ и трепетомъ, боясь грозной встрѣчи.

И вскорѣ прошла и другая молва. Заговорила, заголосила по крещеному міру, что нѣтъ то ли страшнѣе атамана волжскаго Подковы, а нѣтъ удалѣе что его то ли сподручника Кузьмы Рощина.

И отчаянно-смѣлымъ дѣломъ огласилъ себя этотъ молодой станичникъ.

Взвилось солнышко на ясномъ небѣ, и разливъ лучи свои по воднымъ поверхностямъ, понеслось съ востока на западъ. Но какъ ни равно оно глянуло на нашъ земной міръ, а струги удалыхъ станичниковъ уже были въ ходу и вскорѣ зашли за одинъ утесный откосъ, поджидая къ себѣ добычу съ низу рѣки.

И скоро показался оттуда купеческій стругъ. Тянутъ его лямкой крестьанскіе русскіе люди, идутъ и поютъ свою заунывную пѣсню, а на стругѣ сидятъ, что ни есть молодецъ къ молодцу, тридцать молодыхъ прикащичковъ да удалыхъ работниковъ. Бравые прикащики по кормочкѣ похаживаютъ, свои шляпочки на бекрень заламливаютъ и промежъ себя говорятъ рѣчи купеческія, силушкой похвастываютъ, и грозятъ то ли, что Подкова атаманъ имъ не крохотку не страшенъ, что согнутъ то ли они его во бараній рогъ.

А не знали они, люди глупые да несмышленные, что сподручникъ то грознаго атамана, подъатаманье Кузьма Рощинъ, недалеко былъ отъ нихъ и сторожилъ словно ястребъ, быстрый, купеческій стругъ.

Какъ завидѣли его станичники, то промежъ себя стали поговаривать, какъ бы лучше стругомъ завладѣть да при этомъ похвалиться своей удалью молодецкой. Молча слушалъ ихъ удалыя рѣчи Кузьма Рощинъ, усмѣхнулся, да и выговорилъ таковое то словцо:

— Ай не слава то и честь что схватиться одинъ на одинъ, а вотъ то была бы похвальба, колибъ да одинъ изъ коша понашелся завладѣть купеческимъ стругомъ.

— Не хвались, Кузьма, своей силушкой да удалью, молвили ему станичники: видали мы на своемъ вѣку молодцовъ и не хуже тебя, но никто не говорилъ такихъ неразумныхъ рѣчей, гдѣ же одному да остановить цѣлый стругъ.

— А попробую я, отвѣтилъ подъатаманье и не будь я Кузьма Рощинъ, коли не исполню своего слова, а коли не выполню то и быть не хочу атаманомъ удалыхъ станичниковъ, васъ моихъ милыхъ товарищей!

Сказалъ, взялъ свою винтовку и выскоча на берегъ, укрылся за одинъ большой камень, вынесенный когда то сюда могучей волной.

Поровнялись бичевники съ нимъ. Прошелъ и послѣдній мимо его, и тутъ прыгнулъ впередъ Рощинъ изъ за камня, рѣзнулъ одного ножемъ по бичевѣ, перехватилъ ее пополамъ, бичевники потыкались носомъ въ сыпучій песокъ, а Кузьма ухватилъ конецъ бичевы, тянувшійся отъ струга, сильной рукой стиснулъ его, уперся о камень и остановилъ купеческій стругъ.

— Всѣ корись мнѣ! крикнулъ онъ зычнымъ голосомъ, я Кузьма Рощинъ, приволжскій станичникъ подъатаманье атамана Подковы.

Какъ услыхали это имя бичевники, то отъ страха безъ оглядки бросились бѣжать по сторонамъ, не струсили было только удалые прикащики.

Похватали на скоро они длинныя пищали и десять дулъ грозно глянули на Кузьму, готовые пронизать его десятью пулями.

И крикнулъ тогда имъ Рощинъ:

— Бросай ружья въ воду, а коли не исполните моего слова, то отпущу бичеву и понесетъ васъ назадъ на быстрину!

Посмотрѣли назадъ молодцы, видятъ бѣжитъ струя, сзади ихъ струга, торчатъ высокіе камни. И ясно стало имъ что если они убьютъ Кузьму, да онъ опуститъ бичеву, то сгибнуть имъ всѣмъ и со стругомъ и съ добромъ.

Поблѣднѣли ихъ лица. А между тѣмъ съ берега грозно кричитъ Рощинъ:

— Корись, а не то спущу!

И кинули тогда прикащики свои длинныя ружья въ воду.

Обмоталъ тогда Рощинъ конецъ бичевы о крѣпкій дубъ, что разросся на берегу, закрѣпилъ веревку и снова крикнулъ:

— Подавай лодку!

Спустили ее со струга. Рощинъ поѣхалъ къ нему, сталъ на кормѣ, приложилъ пищаль къ богатырскому плечу, да и опять грозно кричитъ.

— Эй вы аршинники, великіе алтынники, слѣзай въ воду да сходи на берегъ; даю вамъ животъ, а что въ стругѣ, то все мое.

Замялись было несчастные, услыша такой грозный приказъ, но Рощинъ приложился въ нихъ и сказалъ:

— Не послушаете, передушу словно курицъ негодныхъ по одиночкѣ!

Увидали купцы, что съ такимъ человѣкомъ шутить нечего и онъ въ точности выполнитъ свою угрозу; жалѣючи свою жизнь, повскакали въ воду и вплавь перебрались на берегъ; а Кузьма Рощинъ взошелъ на стругъ и сталъ распоряжаться на немъ ровно то и былъ самъ хозяинъ его.

Диву дались станичники, увидя такую удаль своего атамана, съ криками торжества понеслись къ его взятому стругу, и пошли на радостяхъ пиръ пировать, разбивая купеческіе боченки съ заморскимъ виномъ, наливая его въ серебряныя чары, да закусывая крѣпкосладкій напитокъ разными сластями, которыхъ много прозапасли про себя дальновидные купцы... Да видно не въ добрый часъ пошли они въ дальную путину, что не въ прокъ пошло имъ припасенное, а досталось оно удалымъ станичникамъ Кузьмы Рощина.

Съ тѣхъ поръ и пошло гремѣть его имя на страхъ добрымъ православнымъ людямъ, за то въ честь взошло между товарищами.

ГЛАВА XVII.

Гибель станичниковъ.

Но чѣмъ удачнѣе были налеты Подковы и Рощина, тѣмъ смѣлѣе становилась ихъ дерзость и доходила до крайнихъ предѣловъ.

Мало того что они разбивали купеческіе караваны, но осмѣливались вступать въ бой и съ Государевыми стругами, не страшась и стрѣльцовъ. Наконецъ смѣлость ихъ дошла до того, что они рѣшились атаманствовать и подъ самой Казанью, смѣло проплывая мимо крѣпости, подымались въ верхъ и тутъ громили прибрежныя селенія, наводя страхъ на жителей и счастливо увертываясь отъ грозныхъ погонь.

И дошла молва о нихъ до отдаленной Москвы. Достигла она до справедливыхъ ушъ царя Бориса, и опалился государь великій своимъ гнѣвомъ на

такое безурядье и несмотрѣнье своихъ воеводъ по Волгѣ. Опалясь онъ послалъ грозный наказъ казанскому воеводѣ намѣстнику, чтобъ онъ перевѣшалъ воровъ станичниковъ, да и самое воровское гнѣздо ихъ разорилъ бы въ конецъ, чтобы про него не было слышно на православной Руси.

И сталъ думать воевода, какъ бы лучше исполнить грозное царское слово, но пока удумывалъ и размышлялъ объ этомъ, Рощинъ выкинулъ штуку и показалъ свою удаль даже и въ самой Казани.

Давно уже его разжигала злоба противъ дяди и онъ не старался ее заглушить разгуломъ: она ни дня ни ночи не давала ему покоя, а съ другой стороны ему страхъ какъ хотѣлось взглянуть на Мареу и выполнить слово, сказанное Подковѣ, завладѣть ею силой во чтобы то ни стало. Глубоко уже упавши, Рощинъ теперь не справлялся съ совѣстью и дѣлалъ все подъ вліяніемъ своей страсти А эти страсти бываютъ ужасны у человѣка невѣжественнаго и доходятъ до полной дикости и разнузданности.

Онъ возвращался съ одного набѣга, сдѣланнаго имъ на верхнемъ теченіи Волги. Въ Казань успѣла дойдти вѣсть объ этомъ и былъ высланъ стругъ со стрѣльцами загородить станичнику путь Но онъ обманулъ ихъ и прошелъ мимо ночью, а когда стрѣльцы замѣтили свою оплошность и погнались за нимъ, то онъ былъ уже впереди ихъ, переѣзда на два.

Не въ далекѣ отъ Казани онъ остановился на роздыхъ; по обыкновенію сначала на привалѣ поднялась шумная оргія и круговая чара то и дѣло что переходила изъ рукъ въ руки. Одинъ только Рощинъ не принималъ участія въ общемъ разгулѣ и лишь только слегка мочилъ свои усы въ товарищескомъ кубкѣ. Не шло на сердце ему похмѣлье пьяное и въ головѣ ходила одна мысль:

— Что то дѣлаетъ теперь Мареа, хоть бы однимъ взглядомъ взглянуть на желанную.

— А что атаманъ, спросилъ его Гвоздь, который въ это время находился съ нимъ въ палатѣ и замѣтилъ его задумчивость, что же ты не веселъ, али не веселитъ тебя общее похмѣлье, алп не доволенъ нашей удалью?

— Доволенъ я вами, молвилъ онъ: но веселиться не могу теперь съ вами, нейдетъ оно что то на умъ, разумъ мой.

— Ужъ не зазнобила ли тебя лебедка какая по Волгѣ, смѣясь продолжалъ Гвоздь: если такъ, то чтожь ты не сказалъ, мы увезли бы тогда ее на своемъ быстромъ стругѣ.

Рощинъ мрачно взглянулъ на него и отвѣчалъ:

— Ты угадалъ Гвоздь. Точно на сердцѣ есть у меня зазноба и давно ужъ гложетъ мое сердце: Она не даетъ мнѣ и веселиться съ вами, удальцы.

— Такъ давно бы ты повѣдалъ намъ и рукой живой сняли бы тогда тоску съ ретива сердца.

— Невозможно, Гвоздь, она мужняя жена.

— А намъ станичникамъ что за дѣло до этого; все то наше, что возьмемъ своей мы удалью.

— Такъ-то такъ, но меня еще все беретъ раздумье, полюбитъ ли красавица меня, когда я возьму ее силой.

— А я вотъ что скажу тебѣ, смѣясь продолжалъ Гвоздь, слыхалъ я быль не быль, а такъ скажу—присказку. Слушай: въ нѣкоторомъ царствѣ только не въ нашемъ государствѣ, жилъ царь Вахромей съ молодой женой Еленой прекрасной. И понравься она, Кузьма, удалъ-доброму молодцу Салаватъ богатырю. Сталъ онъ это за ней похаживать, ласковы слова говорить, а она ему только и наладила въ отвѣтъ: „Отвяжись, говоритъ, удалецъ, не пригоже де мнѣ слушать рѣчи твои“—„Почему, говоритъ Салаватъ богатырь, такъ молвишь мнѣ, королева распрекрасная?“—„А потому, богатырь, что я мужняя жена, короля Вахрамѣя, моего милаго мужа“. Вотъ и сталъ Салаватъ думать думушку, какъ овладѣть королевой. Думалъ, думалъ, да и надумалъ. Разъ уѣхалъ царь Вахрамѣй въ поле снопы жатны убирать, съ своими боярами и воеводами въ снопы вязать и въ скирды складать. Этимъ временемъ и изловчился Салаватъ богатырь: шастъ онъ прямо въ королевины покои, подхватилъ на бѣлыя руки, сильныя, могучія свои и увезъ въ дальнія отчины свои великія. Тамъ онъ сталъ съ Еленой прекрасной жить да поживать, а она его любить да миловать и про своего короля совсѣмъ и позабыла. Диву только дался

богатырь и спрашиваетъ свою милую полюбовницу: „Скажи ты мнѣ теперь, моя лада распрекрасная, отчего не полюбила меня въ тѣ поры, когда я въ любви къ тебѣ открывался, а теперь и царя Вахрамѣя позыбыла?“—„А отъ того, говоритъ она, Салаватъ богатырь, тебя полюбила, что умѣлъ меня силой доставать, а Вахрамѣй не умѣлъ свое сокровище держать да сберегать. Исполать тебѣ, удалый молодецъ!“

Рощинъ со вниманіемъ слушалъ эту рѣчь, которая сильно пришлась ему по сердцу, а потомъ сказалъ:

— А что, пожалуй, и правда твоя, Гвоздь.

— Я тебѣ вѣрно говорю, атаманъ. Да и какая жена не откажется отъ мужа для такого молодца, какъ ты? Чего у тебя нѣтъ, вѣдь ты свою лебедку будешь въ золотѣ водить, сытой медовой поить, на лебяжьемъ пуху класть спать, почивать. Повѣрь, лишь достанешь ты свою зазнобу удалью, такъ она же вѣрно спасибо скажетъ тебѣ.

Рощинъ дрогнулъ всѣмъ составомъ; мысль смутилась у него, онъ порывисто крикнулъ:

— Такъ испробую и я это дѣло: Гей, товарищи молодцы, кто любитъ меня?

— Всѣ! грянула разомъ сотня пьяныхъ голосовъ.

— Такъ помогите, братцы, мнѣ въ лихой бѣдѣ; всю добычу отдамъ на гульбу за послугу.

— Свои головы положимъ за тебя, грянула во все горло толпа.

— Ну такъ за дѣло и летимъ подъ Казань. Гей живо за дѣло принимайся всѣ!

И мигомъ разгулъ былъ брошенъ Всѣ приготовились.

— Подымай якоря! распускай парусъ! за весла! распоряжался Рощинъ и черезъ двѣ минуты, двѣ его ладьи уже всѣмъ ходомъ неслись внизъ по рѣкѣ, не боясь разбиться о каменья и мели, которые смѣлые станичники счастливо и ловко умѣли избѣгать.

Еще не разсвѣтало, какъ уже струги Рощина начали подчаливать къ казанскому берегу, соблюдая совершенное молчаніе и тишину, такъ что и опытный слухъ былъ бы обманутъ и не услыхалъ бы, что на землю выходила сотенная ватага людей.

Раздѣливъ людей на части, Рощинъ съ одной началъ прокрадываться къ слободѣ, а другой наказалъ оставаться для сторожи судовъ своихъ.

Незамѣтно прошли они въ слободу и, раздѣлясь на небольшія кучки, по указанію Рощина, прошли къ дому Ѳадея Терентьича. Окруживъ его со всѣхъ сторонъ и давъ приказаніе, чтобы никого не выпускали станичники со двора, онъ съ Гвоздемъ перелѣзъ черезъ ворота и вошелъ въ избу, гдѣ въ передней свѣтлицѣ, какъ это за частую водилось въ тогдашнее время, нашелъ спящихъ работниковъ. Безъ шуму и борьбы они перевязали ихъ. Гвоздь остался на сторожѣ, а Рощинъ вошелъ въ опочивальную клѣть Ѳадея.

Старикъ былъ чутокъ на ухо и какъ ни тихо вошелъ Рощинъ, онъ все таки проснулся отъ его шороха и въ первую минуту задрожалъ отъ ужаса, не узнавъ Кузьмы.

Рощинъ, злобно ухмыльнувшись, наклонился къ его изголовью и тихо проговорилъ:

— Ѳадей Терентьичъ, узналъ ли ты меня, отецъ родной?

Свѣтъ, отъ теплившейся лампады передъ иконами, прямо падалъ теперь на злобное лицо Кузьмы. Старикъ, пристально вглядѣвшись въ него, узналъ Рощина.

Ѳадей хотѣлъ крикнуть, позвать на помощь кого нибудь къ себѣ, но языкъ отказывался служить ему, и онъ продолжалъ смотрѣть на страшнаго врага неподвижными глазами, который говорилъ:

— Ты не ждалъ меня, но вотъ я пришелъ къ тебѣ. Я Кузьма Рощинъ, котораго ты ограбилъ совсѣмъ: отнялъ невѣсту, имущество, опозорилъ и погубилъ...

— Прости меня, въ ужасѣ простоналъ старикъ:

Рощинъ злобно захохоталъ и продолжалъ:

— Что, простить? помиловать а? ты миловалъ меня? нѣтъ? ну такъ и я тебя не помилую. Я пришелъ за Мареой!

Только при этомъ словѣ старикъ пришелъ въ себя и вскрикнулъ:

— Прочь, я не отдамъ тебѣ, злодѣй, ее!

Но въ отвѣтъ на это, Кузьма неистово бросился къ спящей Мареѣ, сбросилъ старика съ примости и схвативъ красавицу въ охапку, стремительно побѣжалъ вонъ.

Старикъ бросился за нимъ. Въ дверяхъ онъ

догналъ Рощина, съ неестественной силой схватилъ его и старался отнять Мареу.

— Гвоздь, угомони его, свирѣпо крикнулъ Рощинъ, вырываясь изъ рукъ Ѳадея.

Гвоздь взмахнулъ кистенемъ и несчастный съ разрубленной головой повалился на полъ.

— Подожгу на прощенье, коли нельзя взять ничего съ собой, подумалъ Гвоздь и хотѣлъ было привесть въ исполненіе свое звѣрское намѣреніе; но взоръ его невольно остановился на работникахъ, лица которыхъ были искажены испугомъ и мольбой о пощадѣ.

Видъ ихъ, можетъ быть впервые, тронулъ сердце стараго станичника, въ немъ шевельнулось что-то похожее на жалость и онъ подумалъ:

— Нѣтъ, на нынче будетъ и одного грѣха—и въ какомъ-то ужасѣ выбѣжалъ изъ свѣтлицы.

Когда онъ достигъ берега, то тамъ были уже всѣ въ сборѣ и готовы къ отплытію, дожидаясь лишь оставшагося Гвоздя. При начинающемъ разсвѣтѣ струги стремительно понеслись дальше внизъ.

На другое утро вся слобода была сильно взволнована и поражена ночнымъ нападеніемъ.

Послѣ этого воевода уже болѣе не медлилъ и рѣшилъ энергичнѣе приняться за дѣло. Имъ было снаряжено нѣсколько струговъ, на которые сѣли стрѣльцы, переодѣтые въ купеческое платье и далеко внизъ была распущена молва, что плыветъ въ Персію богатый купеческій караванъ.

Какъ по пословицѣ говорится, что и на мудреца находитъ простота, такъ точно теперь Под-

кова и Рощинъ вдались въ обманъ, повѣрили ложно распущенному слуху, собрались вмѣстѣ и начали сторожить мнимый караванъ въ опасномъ проходѣ около жигулинскихъ горъ, впослѣдствіи знаменитомъ притонѣ страшнаго атамана Стеньки Разина.

Лишь замѣтили изъ-за своей засады царскіе суда Подкова и Рощинъ, смѣло подплыли къ нимъ и съ разбойничьихъ струговъ грянуло грозное:

— Сарынь на кичку!

Стрѣльцы, желая ближе подпустить къ себѣ атамановъ, показали сперва робость. Обманутые этимъ, они первые закинули крючья на стрѣлецкіе струги и съ громкимъ, торжествующимъ крикомъ бросились на мнимыхъ купцовъ; но тутъ повыскакали на палубу, скрытые до сего времени, воины, и окруживъ станичниковъ начали съ ними кровавую сѣчу. Произошла отчаянная схватка. Подкова и Рощинъ дрались впереди, но первый вскорѣ былъ пораженъ пулей, а второй видя, что все дѣло проиграно, пробился сквозь гущу враговъ, бросился въ воду и вплавь добрался до противоположнаго берега, гдѣ и скрылся среди кустовъ, опушавшихъ берегъ.

Послѣ его бѣгства станичники, потерявъ своихъ вождей, обратились было въ бѣгство, но вскорѣ нагнанные и припертые къ берегу, должны были положить свое оружіе и сдаться. Такъ въ концѣ лѣта была уничтожена эта двойная шайка и была возстановлена безопасность пути по Волгѣ.

Эпилогъ.

Цѣлый годъ не показывался на Волгѣ Кузьма Рощинъ, имя его стало утихать и всѣ считали его погибшимъ въ кровавомъ бою, какъ внезапно проявился его слѣдъ снова, но гораздо отчаяннѣе и дерзче, чѣмъ въ прошлое время.

И снова громко грянуло имя его, толпами стали стекаться къ нему гулливые, беззаботные люди, и прибрежный житель и селянинъ Волги неспокойно засыпалъ послѣ дневныхъ трудовъ въ своемъ домѣ; грезился ему Рощинъ, слухъ про котораго шелъ, что онъ никому не давалъ пощады, грезился, и онъ дрожалъ за свою безопасность.

Началось снова преслѣдованіе удальца; но на этотъ разъ онъ всегда умѣлъ избѣгать его счастливо для себя и долго приводилъ въ тупикъ и недоумѣніе воеводъ, которые гонялись за нимъ. Наконецъ, настигнутый однимъ изъ нихъ и снова

разбитый, онъ ушелъ въ Каспійское море, гдѣ и постигла его кара небесная.

Плывя по морю, онъ былъ застигнутъ бурей. Долго носили его струги волны морскія, расщепали на щепы утлыя лодки волжскаго атамана и самого его съ нѣсколькими товарищами выбросили на голый песчаный островъ. Тутъ то вскорѣ довелось ему испытать что всегда существуетъ судъ Божій и отмщаетъ преступленіе, если оно избѣгло суда земнаго.

Уже на другой день всѣ почувствовали томленіе ужаснаго голода и жажды, на третій день это страданіе достигло до того, что два или три несчастливца предпочли ему смерть и добровольно побросались въ морскія волны. Остальные несчастные, вмѣстѣ съ Рощинымъ, еще поддерживали себя надеждой, что пойдетъ вскорѣ мимо ихъ какой-нибудь корабль и возьметъ къ себѣ на бортъ; но прошло еще два страшномучительныхъ дня, терзанія во время которыхъ превосходили всякія описанія, спасительнаго судна не показывалось, ими овладѣвало все больше и больше страшное отчаяніе близкое къ умоизступленію. Голодъ доходилъ до невѣроятной степени: они поѣли всю свою одежду, обувь, но это только раздражало еще болѣе голодные желудки, принося за собой невыносимыя страданія. Вскорѣ изъ семнадцати человѣкъ, выброшенныхъ на страшный островъ, остались трое, которые начали утолять свой голодъ ужасной пищей: двое изъ этихъ несчастныхъ подходили къ трупамъ своихъ товарищей, которые лежали на

песчаной косѣ острова, рѣзали отъ нихъ куски, дѣлили между собой и съ жадностью поѣдали ихъ.

Рощинъ еще сдерживалъ себя отъ этого, но боясь быть съѣденнымъ во время сна безумцами, оставилъ ихъ и ушелъ на другую сторону своего ужаснаго жилища. Тогда открылись въ немъ угрызенія совѣсти, передъ его глазами мелькали окровавленныя жертвы, раздавались въ ушахъ ихъ стоны, моленія и проклятія. Въ разстроенномъ воображеніи его представлялось то наказаніе за гробомъ, которое ждетъ всякаго преступника. Открылись ему видѣнія геенны огненной, вѣчно непотухаемой, а тамъ въ пламенной рѣкѣ неслись со стономъ и скрежетомъ зубовъ души грѣшниковъ, гдѣ на первомъ планѣ казалось ему, плыли станичники, грабители, разбойники. И видѣтъ онъ, какъ духи кровавоогненные, у которыхъ горѣли глаза, словно факелъ, мучили души грѣшныя.

Страхъ и трепетъ объялъ душу преступнаго страдальца и далъ онъ, положилъ на себя великій зарокъ на душѣ, что если приведется остаться ему въ живыхъ и быть снова и землѣ родной, то смоетъ онъ съ рукъ своихъ кровь христіанскую, неповинную, строгимъ постомъ, покаяніемъ, тяжкимъ подвижничествомъ.

И словно Богъ услышалъ его сердечное моленіе, словно смиловался онъ надъ Рощинымъ и захотѣлъ увидать слезы покаянья грѣшника великаго.

Въ то время, когда онъ, почти лишенный уже

всѣхъ своихъ силъ, въ ожиданіи смерти, лежалъ на песку, къ острову пристала одна персидская бригантина, идущая изъ Дербента въ Астрахань.

Рощинъ былъ взятъ на нее. Привезенный на родину, онъ долго боролся между жизнью и смертью но потомъ, благодаря своей необыкновенно крѣпкой натурѣ, выздоровѣлъ, одѣлся въ платье странника, надѣлъ на себя вериги желѣзныя и пошелъ ходить по свѣту православному, собирая подаяніе на устройство церквей Божіихъ да на помощь людямъ бѣднымъ, вдовамъ, сирымъ, хромымъ и убогимъ.

И вездѣ видали люди странника; ходилъ онъ съ открытой головой, босой и исхудалый въ тепло и холодъ, въ дождь и грязь, собирая милостыню, терпѣливо снося и голодъ и нужду. Долго такихъ тяжкихъ годовъ провелъ Рощинъ, а спустя лѣтъ десятокъ нашли его тѣло на паперти церковной.

Но что же мы скажемъ объ остальныхъ лицахъ нашей повѣсти?

Вѣроятно, прежде всего спроситъ читатель куда же дѣлась Мареа; но вотъ какъ объ ней говорили. Не выдержавъ сильной страсти Рощина, несчастная женщина отдалась ему, но вскорѣ, пораженная тяжкимъ своимъ грѣхомъ, она тайкомъ покинула его и вступила въ одинъ изъ многочисленныхъ нашихъ монастырей. Что же касается до супруговъ Омляша, то они, какъ большая честь по добрыхъ людей, мирно закончили свои дни въ своихъ [illegible]тахъ.

Конецъ.

W381.5917N-K969

W117146